

ГАЛИНА РОМАНОВА



УЗНАЙ МЕНЯ

Детективы Галины Романовой. Метод Женщины

Галина Романова

Узнай меня

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Романова Г. В.

Узнай меня / Г. В. Романова — «Эксмо», 2018 — (Детективы Галины Романовой. Метод Женщины)

ISBN 978-5-04-092277-2

Три долгих года Татьяна живет на маленьком, отрезанном от цивилизации северном острове вместе со своим мужем. Три года она старается забыть о том, что когда-то ее звали совсем по-другому и у нее было другое лицо. Равно как и о том, что на родине она стала свидетельницей жуткого преступления и только чудом спаслась от преследователей. Вот только спаслась ли она или эти три года были для нее всего лишь передышкой перед новыми испытаниями? И не за ней ли на самом деле приехал на остров ищущий свою исчезнувшую сестру странный русский мужчина?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-092277-2

© Романова Г. В., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1 | 5 |
| Глава 2 | 10 |
| Глава 3 | 17 |
| Глава 4 | 24 |
| Глава 5 | 28 |
| Глава 6 | 35 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 39 |

Галина Романова

Узнай меня

Глава 1

– Сынок, сынок, послушай, что я тебе скажу.

Полный мужчина, в плотных, не по погоде, брюках и черной рубашке с длинными рукавами, обливаясь потом, мелко семенил рядом с юношей. Он все время старался заглянуть юноше в лицо, но не выходило. Юноша был высок, болезненно худощав, лицо его покрывали крупные фурункулы. И лицо свое он старательно прятал от мужчины, который пытался его остановить.

Мужчина был его отцом.

– Сынок, да остановись же ты, наконец! – воскликнул мужчина и грубо вцепился парню в локоть. – Остановись!

– Что? Что ты от меня хочешь, папа?

Юноша остановился. Покосился на толстые грубые пальцы, вцепившиеся в его локоть. Вздыхнул. Он снова сделал что-то не так. Кто-то из людей отца подловил его на этом, наступал. И тот теперь станет его воспитывать. Долго, нудно. Станет приводить примеры из своей жизни. Грязные, страшные примеры. Будет учить, как надо правильно жить.

Юноша вздохнул. Задрал голову, с тоской глянул в бескрайнее небо. Чистое, голубое, без единого пятнышка. Смотрел бы, не отрываясь! Наслаждался бы этой безграничной чистотой и нежностью. Ни о чем не думал бы, просто смотрел.

– Что ты от меня хочешь, папа? – Юноша осторожно, чтобы не оскорбить отца, высвободил локоть из его пальцев. – Поговорить?

– Да, – коротко обронил тот, вытащил из кармана плотных штанов большой носовой платок и приложил его к обширной потной лысине. – Поговорить, для начала.

– Хорошо, идем. Где?

Юноша повертел головой. Ткнул пальцем в гарнитур плетеной садовой мебели, расставленный под навесом в строго геометрическом порядке.

– Там?

– Хорошо. Давай там.

Они прошли под навес. Расселись в креслах из ротанга.

– Прикажи, чтобы принесли лимонада, – проговорил тут же отец и с прищуром уставился на сына.

Тот достал телефон из кармана широких льняных шорт. Набрал помощницу повара и попросил принести два стакана лимонада.

– Сейчас принесет. – Юноша убрал телефон обратно в карман шорт. – Все в порядке, пап.

– Нет, черт возьми, не все в порядке! – возмущенно откликнулся тот и сжал кулаки, принявшись постукивать ими по плетеным подлокотникам кресла. – Не в порядке, сынок!

– Что снова не так?

Юноша нащупал в другом кармане солнцезащитные очки и поспешил надеть их себе на переносицу. Так ему было спокойнее. Так было комфортнее под вопросительным взглядом рассерженного отца.

– Я сказал тебе что! – Отец обеспокоенно заворочался в кресле, которое было ему тесновато.

– Что? Ты сказал приказать, чтобы принесли лимонада. Я это сделал.

– Ключевое слово «приказать», сынок! Я сказал: прикажи, сынок! А ты просишь! Свою же прислугу ты просишь, словно об услуге. Это же... Это же неприемлемо, сын мой! – забубнил отец, дергая ступнями, словно их сводило судорогой. – Это неприемлемо. Ты должен приказывать! Понимаешь, приказывать! А не просить. Если ты не станешь жестким, тебя сомнут. Тебя сломают, понимаешь или нет?!

Юноша, прикрыв глаза темными стеклами очков, снова нашел взглядом безоблачное небо.

Как же там, должно быть, хорошо. Парить бы там – в чистом прохладном воздухе. Парить бы в одиночку, не ощущая ничьего присутствия рядом, не слыша ничьего дыхания за спиной. Как же он устал! Как же он устал от бесконечных заданий отца, которые он раз за разом благополучно проваливал. Иногда, к слову, специально. Устал жить по его правилам, по его законам.

– Сынок, пойми, я хочу для тебя всего самого лучшего.

– Отпусти тогда меня, папа, – едва слышно проговорил юноша, не сводя взгляда с синевы неба. – Отпусти.

– Что?! – Отец дернулся всем телом, словно через сиденье ротангового кресла пропустили ток. – Ты о чем вообще?! Что ты такое говоришь?!

– Отпусти меня. Дай жить своей жизнью. По моим правилам, папа. Не по твоим. По моим.

И он прикрыл глаза, погружая себя в темноту. Он знал, что будет дальше. Знал все слова, которые примется выкрикивать его отец.

– Ты не можешь так поступить со мной! – Это первое, что отец тут же поспешил выкрикнуть.

– После всего, что я для тебя сделал, ты так со мной?! – Это второе.

– Если бы я не был так уверен в обратном, я бы подумал, что ты не мой сын! – Это было обязательным, третьим.

Отец был абсолютно уверен в их родстве, потому что несколько лет назад, усомнившись, опустился до генетической экспертизы. Слишком не был похож на него сын. И внешне, и по духу.

Экспертиза установила их почти стопроцентное родство, и отец смирился.

– Вся твоя беда в том, сын, что ты слишком жалостливый. – И это уже было. – А ты не имеешь права быть жалостливым.

– Почему? – отозвался юноша.

Этого он еще ни разу не слышал.

– Потому что люди сочтут тебя жалким, – нехотя произнес отец. И сделал это, кстати, впервые. – В моем мире... В нашем с тобой мире это неприемлемо.

– Ты правильно начал, отец. В твоём мире.

Юноша поднялся. Как-то уж слишком вяло, женственно, совсем не по-мужски, приложил ладони к груди, наклонился к отцу.

– Это не мой мир, папа. Это твой мир, папа. И мне в нем нет места.

– О как! Вот, значит, как, да?

Взгляд отца, от природы лишенный нежности, сделался неузнаваемо жестоким. На сына он так никогда прежде не смотрел.

– Ты находил себе в нем место, когда принимал мои подарки. – Отец разжал кулаки и загнул на правой руке указательный палец. – Когда захотел первую машину. Когда запросился учиться в Англии. Когда пожелал собственную квартиру в центре города. И когда захотел стажировку в США.

Все пальцы правой руки отца загнулись, снова превращая его кисть в кулак. Сильный, жесткий, способный сделать больно кулак.

– Тогда тебе в моем мире нашлось место. А сейчас, когда я пытаюсь приобщить тебя к делам, потому что старею, потому что слабеет здоровье и силы уже не те, и мне нужен преемник, тебе в моем мире нет места! Знаешь, как это называется, сынок?

Юноша промолчал. Он остолбенел. Отец никогда прежде его не упрекал. И никогда прежде не жаловался на свое здоровье. Он болен? Серьезно?

– Ты болен?! – отозвался он, стащил с переносицы очки, уставился с тревогой на родителя. – Что-то серьезное, пап?!

– О господи! – Отец всплеснул руками, с силой шлепая себя по ляжкам. – Из всего, что я тебе сказал, ты услышал только о моем здоровье?!

– Ну да. А было что-то еще? – Юноша улыбнулся, наклонился и приложился щекой к лысине отца. – Я люблю тебя, папа. У меня же никого, кроме тебя, нет.

– И у меня, – сдался отец, нашел руку сына на своем плече, крепко сжал. – Но я не отступлюсь, сынок. Я буду втягивать тебя в свой бизнес. Нравится тебе или нет.

– Хорошо. Я согласен. – Юноша выпрямился. Шагнул в сторону. – Хотя это мне и не нравится.

– Вот молодец, сынок. Вот молодец. – Отец удивительно проворно выскочил из кресла, словно в сиденье сработала катапульта, и снова засеменил рядом с сыном, пытаясь поймать его взгляд. – Я для начала тебе несложное дело поручу. Совершенно несложное. Не нужно будет просиживать в офисе и делать вид, что не замечаешь наших старых схем, как ты говоришь. Не нужно будет никого из моих людей контролировать. Иначе ты мне всю дисциплину развалишь.

– А что же ты тогда собираешь мне поручить, пап? – рассеянно отозвался юноша.

От дома, по дорожке, к ним спешила молодая девушка Лиля, выполняющая обязанности помощника повара. Строгое форменное платье отвратительного цвета, в которые в обязательном порядке наряжалась вся прислуга его отца, не способно было обезобразить ее фигуру, не изменило ее походки, не испортило безупречные черты лица. Эта молодая девушка была невероятно привлекательной. И она юноше очень нравилась.

Понравилась с первого взгляда. С первой минуты собеседования, которое он проводил. И мало того, что она была привлекательной, она была еще и умной. И очень заразительно смеялась.

Разве мог он ей приказывать? Отец просто издевается, когда требует от него этого. Он может ее только попросить. И слушать ее ответ с трепещущим от волнения сердцем.

– Да, конечно, Иван Павлович, я сейчас, – всего и ответила-то Лиля.

А он еле сдержался, чтобы не улыбнуться счастливо.

– Ваш лимонад. – Она остановилась в метре от них, вопросительно глянула на отца и на него.

– Да, да, спасибо. – Отец подхватил оба стакана с подноса и небрежным жестом приказал ей удалиться. – Я поручу тебе, сын, очень важное дело. То, которое я могу поручить только тебе. Потому что безгранично доверяю только тебе. Потому что этим ты будешь заниматься только раз в неделю. И тебе не придется просиживать штаны и зевать от скуки.

– И что же это?

Они оба повернулись спиной к девушке. Медленно зашагали в обратном направлении.

– Раз в неделю, по понедельникам, ты будешь собирать выручку с моих точек, – проговорил отец и громко хлебнул из стакана. – Не один, разумеется. С охраной.

– Пап, но этим же занимался Игорь, насколько я помню, – напомнил юноша.

– Он уволен, – недовольно буркнул отец. Покосился на сына. – Без лишних вопросов, давай?

– Хорошо.

– Так вот. – Отец допил лимонад и поставил стакан на столик под навесом, снова полез в кресло, делая знак сыну тоже присесть. – Так вот, в понедельник, то есть завтра, ты пообедаешь мои... Наши с тобой объекты, Иван, и соберешь деньги.

– Много? – Юноша прикрылся от отца стаканом.

– Чего много? Денег?

– Денег, точек? Я же не знаю всего, пап.

– Десять точек по городу. Разброс, конечно, велик. Поколесить придется. Иногда, с учетом пробок, на это уходит целый день. Игорь так мне всегда говорил.

– А было по-другому? – удивился Иван и поставил почти нетронутый лимонад на стол.

Напиток ему не понравился. Резкий, острый, кислый. К тому же еще и невозможно холодный. Если он его выпьет, как отец, залпом, у него завтра же прихватит горло. И отец снова станет ворчать, что он – его сын, слаб, как баба.

– Мне тут птичка прочиркала, что Игорек начал... Начал мудрить. Менял маршрут без спросу. С людьми, которые на меня работают, стал неуважителен. Баба у него какая-то завелась в стриптиз-клубе. Так вот он мог к ней заехать и проторчать там с час. Охрана в машине. Деньги в машине. А он телку свою ублажает. Час! Это что, Иван?

– Что?

– Это, Ваня, нарушение дисциплины. Серьезное нарушение дисциплины. И менять маршрут ему никто не разрешал, какими бы мотивами он ни пытался прикрыться.

– Что за мотивы?

Ему не было интересно. Он просто так спросил. Чтобы поддержать разговор. Чтобы отец не заметил, как он глазееет на Лилю, застывшую в пяти метрах от того места, где они с отцом сидели. Хорошо, солнцезащитные очки спасали.

– Игорек мне наговорил невероятных небылиц, Ваня.

– Каких?

Он, не отрывая взгляда, наблюдал за девушкой.

Она устала стоять. С шести утра на ногах. Именно во столько начинался ее рабочий день. Она без конца переступала с ноги на ногу. Поднос, на котором она принесла им два стакана лимонада, был зажат в ее опущенных руках. Как щит. Крохотный белый воротник ее платья ужасного лилового цвета не был застегнут. И Иван мог поклясться, что видит, как бьется крохотная жилка на ее шее. Бред, конечно. Он точно этого не мог видеть с такого расстояния. Но чувствовал это биение, будто касался ее шеи руками. Или губами.

– Игорек принялся убеждать меня, что менял маршрут из-за того, что почувствовал слежку, – как будто издали донесся до него голос отца.

Странно, рассеянно подумал юноша. Отец на расстоянии вытянутой руки, а его голос звучит глухо, невнятно. Лиля в пяти метрах от него, а он слышит биение ее сердца. Он его чувствует!

– А это не так, папа?

– Да чепуха!

– Почему? Почему ты так думаешь? Игорь давно на тебя работает. Он очень опытный сотрудник, папа. Мог что-то такое и почувствовать.

– Он мог, а никто больше не мог! – фыркнул отец с раздражением. – Никто из сопровождения ничего не увидел. Ни единого повода внезапно менять маршрут не было. А он это сделал! Не поставив в известность меня! Это серьезный косяк, сынок.

– А ты бы позволил ему поменять маршрут, если бы Игорь тебе позвонил? – неожиданно заинтересовался юноша.

– Нет, конечно.

– Почему?

– По пути следования моих людей все утыкано камерами, сынок. Если вдруг что, все зафиксируется. И мне будет кому предъявить. Это на тот случай, если каким-то глупым людям приспичит меня ограбить. – Отец хохотнул, выкатил нижнюю губу валиком и недоверчиво качнул головой. – Но дураков нет. Не было и нет. Уже несколько лет мы забираем деньги по понедельникам, ездим одним маршрутом. Менты в курсе, негласно, но прикрывают. Весь маршрут отстреливается камерами наружного наблюдения, я уже говорил. И вдруг этот гаденыш сворачивает и начинает петлять какими-то улочками, где не то что камер, свидетелей приличных не найти. Мои люди запаниковали, если честно. Это серьезный косяк, сынок. И думаю, не просто так он это устроил.

– А для чего?

Юноша поскуучнел. Лиля отошла дальше и встала за стволом старой липы. Он ее почти не видел. Только край ее жуткого лилового платья.

– Думаю, он что-то задумал, – ответил отец после минутного раздумья.

– Что? – Юноша со вздохом обратил свой взгляд на отца. – Папа, тебе не кажется, что ты становишься параноиком? Игорь служил тебе верой и правдой десять лет.

– И ему это надоело, сынок. Так бывает. Особенно когда держишь в руках много денег и не можешь ими воспользоваться. Нет, он что-то задумал. Эта баба его – стриптизерша, по слухам, очень алчная. За вечер танца в трусах не одну сотню баксов выносит. Нет, тут что-то не то... Надо что-то предпринять. Пока не стало поздно. – Отец опустил голову, уставился на край стола. Неслышно повторил: – Надо что-то предпринять.

Глава 2

Она еле дождалась конца рабочего дня. Еле вытерпела грохот посуды на кухне. А безобидное брюзжание шеф-повара семейства Кадашовых, на которое она обычно не обращала никакого внимания, едва не довело ее до истерики.

– Что-то Лиля наша вялая какая-то, – нараспев тянул повар, шпигуя свиную рульку чесноком. – Может, нам ее полить? Водичкой, водичкой. Лилия, цветочек наш аленький. Что-то вялая ты, а?

И, набрав в рот воды, он пустил в ее сторону мощный выброс брызг. Как кит! Она послушно улыбнулась, попробовала шутить в ответ, но всем было ясно, что с ней что-то не так.

– А может, ты беременная, девочка моя? – ахнул ближе к концу дня шеф-повар и потянулся к ее лбу огромной мясистой ладонью. – Может, того, залетная ты у нас?

– Нет, – пропищала она в ответ, позволяя его противной влажной ладони щупать ее лоб. – Я не беременная.

– Тогда ты заболела, – прогнусавил повар, принимаясь ощупывать ее горло. – Гланды? Ангина? Надо пролечиться, девочка. Мы работаем на кухне. Здесь бактериям не место. Давай так... Завтра я даю тебе выходной. Ты отлежишься.

– А как же Павел Сергеевич? Он что скажет?

– Павлу Сергеевичу до тебя нет никакого дела, поверь мне, – фыркнул повар и тут же погрозил ей толстым пальцем. – Чего не могу сказать о его сыне. Иван Павлович! Вот кто с тебя глаз не сводит. Но ему я все объясню. Думаю, поймет. Завтра не выходи на работу. Отлежись.

Она согласно кивнула. И стоило выйти за ворота, тут же припустилась бегом к стоянке такси.

– На Университетскую, пожалуйста, – назвала Лиля адрес.

И тут же прикрыла глаза, чтобы словоохотливый таксист не донимал ее разговорами.

У нее не было сил на разговоры. У нее уже не осталось сил даже думать, она этим прозямалась весь день. Все, на что ее осталось, это только доехать по адресу, подняться на девятый этаж и донести информацию. Звонить было нельзя. Ее предупредили, что звонить нельзя. У Кадашова были связи везде. Во всех силовых структурах. Их телефоны могли прослушивать. Могли считывать все сообщения. Приходилось осторожничать.

– С вас триста пятьдесят рублей, – проговорил таксист противным голосом.

– А вчера было триста, – удивилась Лиля. – За что еще пятьдесят?

– А за молчание. – И он едко улыбнулся ей в зеркало.

Она послушно расплатилась. Вышла на улицу. Дождалась, когда такси отъедет, и медленно пошла по тротуару к нужному дому.

Поздний августовский вечер после непрекращающихся недельных дождей был душным и влажным. Ей нечем было дышать. Лоб без конца покрывался испариной. Тонкая блузка липла к лопаткам. Обычно это время года она проводила не здесь. Уезжала севернее. И путешествовала с рюкзаком берегом непокорной опасной реки. Она не удила рыбу. Не любила. Она просто шла весь день. Вечером останавливалась на ночлег. Долго плавала перед сном. Готовила нехитрую еду на костре. Ставила одноместную палатку, заворачивалась в спальный мешок и проваливалась в благодатный сон. Утром просыпалась от желания снова идти: долго, без остановки.

– Это какое-то бессмысленное времяпрепровождение, детка, – удивленно восклицал Игорь. – Каждый год в августе ты только и делаешь, что таскаешься с сумой на плечах.

– С рюкзаком, – поправляла его с улыбкой Лиля. – И с палаткой. А еще с котелком и спичками.

– Глупо, не находишь?

– А валяться на песке на берегу моря не глупо? Каждый день один и тот же пляж. Одно и то же море. Одни и те же волны. Скука, Гоша, полная.

– А одной в глуши тебе не скучно?! – изумленно округлял ее Игорек самые прекрасные в мире глаза цвета пасмурного неба.

– Нет. Мне там интересно.

Ответ был простым и не требовал объяснений. Он и не приставал. Просто за нее беспокоился. И выдыхал с облегчением, когда она возвращалась из похода домой и звонила ему.

– Ну, наконец-то! Думал, уже не дождусь твоего звонка. Там ведь в твоей глуши даже связи нет, детка. Пожалела бы ты хоть меня!

Она его очень жалела. И очень любила. И именно поэтому в этом августе наплевала на свои планы и осталась в городе. А двумя месяцами раньше, в июне, устроилась по его просьбе в дом к Кадашовым, помощницей шеф-повара. Безропотно. Хотя ее и корбило, что приходится прислуживать таким людям. Ей – с двумя высшими образованиями, со знанием трех иностранных языков – прислуживать человеку, всю свою жизнь нарушающему закон и не умеющему с первого раза написать без ошибки слово «респектабельность».

– А противно, Гоша, – призналась она после второго рабочего дня.

– Согласен, противно. Но так надо, детка.

– Кому?

– Мне. Тебе. Нам.

Игорь так до конца и не посвятил ее в свои планы. Но она была уверена, что плохого он не совершит. Он всегда поступал правильно. Всегда. И если считал необходимым поменять маршрут во время следования с крупной суммой хозяйских денег, то, значит, так было надо. Она не спрашивала его, зачем он это сделал. Он не считал нужным объясниться.

Лиля вошла во двор узкой многоэтажки, которую жильцы называли свечкой. Огляделась. Во дворе, невзирая на позднее время, было многолюдно. Шумная компания устроилась с выпивкой прямо на капоте одной из машин на парковке. Все лавочки и столы были заняты молодежью. Носилась детвора с мячом, школьные каникулы заканчивались, и родители не спешили загонять домой своих отпрысков. Мимо нее промчалась парочка велосипедистов. Кто-то из них с ней даже поздоровался. Она не успела рассмотреть, но могла поклясться, что голос был незнакомым. Странно. Здесь никто и никогда с ней не здоровался. О ней и Игоре никто не знал. Они не афишировали свои отношения. Игорь не велел. Говорил, что так лучше для дела. Для какого дела? Кому лучше? Она не спрашивала. Он не объяснил.

Кто же с ней поздоровался?

Лиля вошла в подъезд, прислушалась. Никаких посторонних подозрительных звуков. Перед лифтами никого. Она нажала кнопку вызова, и кабина слева тут же распахнулась. Она шагнула, нажала девятку. Через мгновение лифт плавно пошел вверх.

Игорь ждал ее. И не только ее. Он выпрыгнул из темноты комнаты, стоило ей войти, с пистолетом. Пистолет был травматическим, она знала, но все равно сделалось жутко.

– С ума сошел? – удивленно вскинула она брови. – Кого-то еще ждешь?

– Не жду, конечно, но всякое может случиться. Надо быть готовым. – Он наклонился к ней, поцеловал в щеку, забрал у нее из рук дамскую сумочку. – Как ты, детка? Что нового? Ты какая-то бледная. Ну! Чего ты? Чего не раздеваешься?

Обычно она с порога сбрасывала с себя все и сразу шла в ванную. Ей все время казалось, что запахи кухни впитались в ее волосы, кожу и от нее за версту воняет чесноком, луком, вареными овощами. И ей требовалось минут тридцать, чтобы смыть с себя всю эту вонь.

Сегодня она даже не разулась. Прошла в комнату. Прямо по белоснежному ковру прошагала к креслу возле окна. Села, плотно сведя колени.

– Малыш, что-то случилось? – Игорь сунул пистолет за ремень брюк. – Какие-то новости?

– Да. – Она кивнула, уставившись в пустоту. – Новости скверные, Гоша.

– Говори. – Он обессиленно привалился спиной к стене, скрестил руки на груди. – Что он решил? Он что-то решил?

Он – это Кадашов Павел Сергеевич. Бывший работодатель Игоря. Тот человек, которому Игорь служил верой и правдой. Тот, который уволил его без выходного пособия. И даже не потрудился объясниться. И тот, которому сегодня днем Лиля прислуживала. Через силу. Через великое подавление желания выплеснуть ледяной лимонад ему прямо на лысину.

– Что он решил? – нетерпеливо дернул шеей Игорь, не дождавшись ответа.

– Он уберет тебя, Гоша, – прошептала Лиля и вжала голову в плечи, тут же ужаснувшись страшной силе сказанных ею слов.

– Он так сказал? Прямо так и сказал? – недоверчиво ухмыльнулся Игорь.

– Он сказал: надо что-то предпринять, пока не стало поздно.

– И все?

– И еще на твое место он ставит своего сына.

– Ваньку?! – присвистнул Игорь и хохотнул. – Это жесть, конечно! Павел Сергеевич хватку теряет. Он же...

– Гоша, ты что, не слышал, что я тебе только что сказала?

Лиля подняла голову, впилась взглядом в любимого. Небрит, под глазами полукружия, губы нервно дергаются. Он переживает. Сильно переживает, но не за жизнь свою, а за то, что с ним так обошлись. Выбросили за ворота, не поверив. А он профессионал. Он считает, что был прав, поменяв маршрут следования без предупреждения. Он кое-что почувствовал, заметил. И уже давно. С начала лета он почувствовал, что что-то затевается.

– Ничего страшного он не сказал, детка. – Игорь оттолкнулся от стены, подошел к ней, присел на корточках. – Ничего страшного для меня в его словах нет, детка.

– Он сказал...

– Что надо что-то предпринять, – закончил он за нее, перебив. – И что? Единственное, что он может в данной ситуации предпринять, это поменять расписание. Чтобы я не был в курсе. Он не станет валить меня, малыш. Он давно уже не решает дела подобным образом. Он с властью и законом дружен.

– Он вспоминал про стриптиз-бар, – сообщила Лиля. – Эта девушка... Она не может навредить тебе?

– Эта девушка... Эта девушка всего лишь моя двоюродная сестра, за которой я по просьбе моей тетки присматриваю, как могу.

– Кадашов считает, что у вас с ней отношения. И что именно на этой почве ты свихнулся. И решил его кинуть. Тебе нужны деньги. Много денег.

– Серьезно? – Игорь изумленно вскинул брови. – Тогда он еще глупее, чем я думал. Зажирел, потерял хватку, верит тем, кому не надо верить.

– Эта девушка не может навредить тебе, Гоша? – повторила вопрос Лиля. – Она может знать что-то такое, за что...

– За что Кадашов может меня завалить? – Он подскочил пружиной, заходил по комнате. – Да нет, говорю же. Что она может знать? Все наши разговоры сводились к делам наших близких родственников. И все.

– И она не знала, чем ты занимаешься?

– Нет, ну знала, конечно. Об этом многие знают. Какой секрет! Мы забираем, забирали деньги с нескольких точек Кадашова. Всегда в одно и то же время, по понедельникам. Знал я, охрана, сотрудники точек. Это много людей. Они умеют разговаривать, детка. И не все умеют хранить тайны. Тем более чужие тайны, – фыркнул Игорь. – Но она ни при чем. И ей в принципе это неинтересно. И вообще хватит драматизировать, детка. Ступай в ванную, и станем ужинать. Я проголодался.

Лиля сбросила с ног кроссовки, взяла их в руки, поднялась, встала напротив Игоря.

– Я боюсь за тебя, любимый, – проговорила она, пытаясь поймать его взгляд.

– Говорю же тебе, все в порядке. – Он погладил ее щеку тыльной стороной ладони.

– Давай уедем. Прямо завтра, а? Давай уедем отсюда, Гоша. – Лиля уткнулась лбом в его грудь. – Бросим все и уедем. Начнем все с чистого листа.

– Я устал это делать, детка, – ответил он тихо, обнял ее, принялся поглаживать по спине. – Я устал все начинать с чистого листа. Мне скоро сорок, а я и не жил. Я только эту вот квартиру купил. Только обжился. И что, снова все бросить? Снова на чемоданах? Устал! Не хочу. Не переживай, все будет хорошо.

Хорошо не будет. Уже ничего не будет хорошо. Кадашов очень опасный человек. Напрасно Игорь считает его утратившим хватку. Слишком много поставлено на кон, чтобы он спустил все на тормозах. Игорь для Кадашова – носитель информации. Носитель опасной информации. И он найдет способ эту информацию уничтожить. Вместе с носителем.

Вполне возможно, он уже приставил за домом Игоря наблюдение. Кто были те двое велосипедистов? Кто поздоровался с ней во дворе? Она не узнала голоса. Даже не могла с точностью сказать, кому он принадлежал: мужчине или женщине. Но в этом приветствии ей послышалась насмешка. И это породило тревогу.

Показалось или нет?

Прохладные струи воды били ей по темени. Сколько она простояла под душем? Не помнит. Почувствовала, что замерзла, и полезла из ванны. Долго терла тело толстым жестким полотенцем, пока не согрелась. Влезла в банный халат Игоря и вышла из ванной.

Игорь был в кухне. Стоял спиной к ней возле плиты и что-то готовил. Он всегда готовил для них двоих. Ей хватало хлопот по кухне в доме Кадашова, и здесь она категорически отказалась этим заниматься.

У Игоря неплохо получалось. Они все съедали до крошки. Всегда. Но не сегодня. Сегодня она не прикоснулась к еде. Сидела, перебирая мокрые пряди волос. И все думала и думала про велосипедистов, встретившихся с ней во дворе.

– Невкусно? – с обидой спросил Игорь, забирая ее тарелку с нетронутым ужином. – Я старался.

– Прости. Нет аппетита.

Лиля устала в его спину, обтянутую трикотажной майкой. Сильная спина. Широкие плечи. Мышцы бугрятся, играют при движении. Она очень любила это тело. Мощное, спортивное.

Рассказать или нет ему о своих опасениях? Рассказать или нет, что ей кажется подозрительным, что с ней поздоровался незнакомый человек? В его дворе!

– Игорь, я... Я должна тебе кое-что сказать, – медленно протянула она.

– Малыш, давай не сегодня, хорошо? – Игорь вымыл посуду, поставил в сушку последнюю тарелку, вытер руки, обернулся. – Я принял решение, детка. Пока ты купалась, я принял решение.

– Что за решение?

Ей снова сделалось холодно. Она узнала этот взгляд. Игорь не потерпит никаких возражений. Что бы она ни сказала, это не будет иметь значения. Он решил избавиться от нее. Решил, что так будет лучше для нее. Безопаснее. Она не удивится, если он уже успел собрать ее вещи.

– Я не уеду, Гоша! – выкрикнула Лиля. – Даже не думай, я...

– Это не обсуждается, малыш.

Он вытер руки кухонным полотенцем, скомкал его, швырнул в сторону. Снова глянул на нее холодно, зло, исподлобья.

– Я уже собрал твои вещи.

– Нет, Гоша! Нет. Я не оставлю тебя одного. Теперь, когда ты в опасности.

– Нет никакой опасности. – Он упрямо нагнул голову. – Не надо придумывать.

– Зачем тогда мне съезжать?

– Затем, что у меня должны быть развязаны руки, детка. Если вдруг что. К тому же на моей двери нет надежных замков. Это не неприступный замок. Это всего лишь квартира. А я должен быть уверен, когда меня нет дома, что ты в полной безопасности. А сейчас у меня такой уверенности нет.

– Ты собирался поменять замки, – упрекнула его она.

– Да, собирался. На следующей неделе записался. Неделя. Семь дней. Это долго, детка.

– Гоша, но ты противоречишь сам себе. То нет никакой опасности, то тебя тревожит, что на двери ненадежные замки. Как это понимать?

– Ты не должна путаться у меня под ногами, вот как надо это понимать! – резко оборвал он ее и отвел взгляд в сторону улетевшего комком полотенца. – Я собрал твои вещи, детка. Сумка на лоджии. Сегодня ты переночуешь, а завтра с утра уедешь. И лучше будет, если ты уедешь куда-нибудь подальше. У Кадашова возьмешь расчет. Необходимости находиться там больше нет. Вообще, если честно, я пожалел, что втянул тебя в это дело.

– Почему? Я не смогла быть тебе полезной? – Лиля сморгнула подступившие слезы.

– Ты помогла мне, детка. Помогла установить, что опасность исходит откуда-то извне. Что-то происходит, но не в доме Кадашова. Не в его окружении. Узнать бы, откуда исходит опасность! И я узнаю. И притащу этого скота к Кадашову и заставлю его извиниться. Но на все это мне потребуется время. И у меня должны быть развязаны руки, понимаешь?

– То есть, другими словами, я связываю тебя по рукам и ногам?

От обиды у нее затряслись губы. Она больно прикусила их зубами.

Он все решил. Даже не посоветовавшись с ней. Она стала для него лишней. Стала для него обузой. Не смогла толком помочь – проваливай!

Она потратила на то, чтобы развеять его подозрения, три месяца своей жизни. Бездарно потратила. В июне она должна была лететь в Альпы. Там организовывалась встреча группы альпинистов, в которую она когда-то входила. Встречу приурочили ко дню рождения их руководителя. Было очень весело, интересно. Она видела фотографии. Ребята долго сокрушались, что она не смогла прилететь. И даже немного обижались.

В августе по заведенной традиции должна была отправиться в поход с рюкзаком и палаткой за плечами. Это было ее любимое время. Время перезагрузки. Его она тоже пропустила. Все ради Игоря, ради его глупого подозрения, что против его босса зреет заговор.

И что в результате?

В результате он уволен и не прощен. А она стала лишней.

– Ты не связываешь меня, детка, – проговорил Игорь негромко. – Просто я боюсь за тебя. Боюсь за тебя так сильно, что в какой-то момент не смогу быть хладнокровным. А мне это сейчас очень необходимо.

– Что?

– Я должен быть хладнокровным, даже жестоким. Не хотел тебе говорить, но, кажется...

Он подошел к ней, потянул за руку, стаскивая с кухонного стула, прижал к себе. И проговорил, утыкаясь губами в шею:

– Мне кажется, я знаю, что и кем затевается.

– А мне кажется, Гоша, что это я уже слышала. – Лиля высвободилась, отошла от него на метр. – Три месяца назад слышала, потом еще через месяц, и еще. И вот сейчас. И каждый раз ты ошибался. Может быть, это паранойя, Гоша? Может, тебе пора отдохнуть? Давай уедем! Не навсегда. На время. Месяца на три. В Таиланд. Там у моих знакомых дом на острове. Там такая благодать! Отдохнем, развеемся.

– Я не устал. – Игорь сунул руки в карманы штанов, зло ощерился. – Если ты не заметила, я без работы. Мне не от чего уставать. Времени на отдых вагон. В общем, я все решил, детка. Завтра утром ты съезжаешь. Так будет лучше. Лучше для нас обоих.

И он ушел из кухни, оставив ее одну. Не попытался как-то сгладить свою грубую решимость. Не поцеловал. Не нашептал на ухо всяких милых глупостей, от которых, он точно знал, она бы оттаяла. Игорь ничего этого не сделал. Он улегся спать. Уткнулся лицом в подушку, укрывшись с головой одеялом. И даже не повернулся, когда она легла.

А Лиля пророчалась без сна до половины третьего ночи. Все думала и думала. Вспоминала. Сопоставляла. Анализировала. И в конце концов нехотя мысленно согласилась с Игорем. Против Кадашова в самом деле могло что-то затеваться. За последние три месяца из его охраны ушли сразу восемь человек. Уволились без объяснения причин, как сказал Кадашов своему окружению. Но Игорь утверждал, что многие из уволившихся просто неуважительно отзывались о сыне Кадашова – Иване. Кто-то Кадашову настучал, и тот поспешил избавиться от людей, болтающих лишнее. Кто-то из этих восьми человек мог затаить на Кадашова злобу. Мог пытаться плести интриги.

Да, Гоша прав. Ей надо побыть вдалеке какое-то время. Пока он со всем не разберется и не реабилитируется в глазах бывшего босса. Вернется он к нему на службу, нет, не столь важно. Гоше куда важнее было сохранить его честное имя. Ему с ним жить. Так он любил повторять.

К тому же не давало покоя неприятное воспоминание о парочке велосипедистов, встретившихся вечером во дворе. Кто с ней поздоровался? Зачем? Хотели напугать? Или просто посторонний человек попытался быть вежливым? Почему тогда в голосе ей послышалась насмешка?

Да, паранойя – это точно заразно. Это надо лечить. Сменой обстановки.

Лиля села на кровати. Прислушалась к ровному дыханию любимого. Он спал. Она дотянулась до своего мобильного на тумбочке, глянула. Без пятнадцати три. Зашла в Интернет, поискала рейсы на Таиланд. Ближайший нашелся на шесть утра. И билеты были. Она тут же, не раздумывая, забронировала один билет и пошла умываться. До четырех она успеет добраться до аэропорта, даже если выйдет из дома через полчаса. Из ванной она позвонила в службу такси и заказала машину на пятнадцать минут четвертого. Собрала в ванной с полочки под зеркалом все свои вещи: зубную щетку, гель для волос, шампунь, дорогое особенное мыло, не оставляющее на коже никаких намеков на вонь вареных фруктов и чеснока. Вытащила из корзины для грязного белья блузку и юбку, трусики, в которых вернулась вечером со службы. Гоше ни к чему оставлять грязное белье. Выстирает в доме у подруги.

Подхватив с пола в прихожей свои кроссовки, она на цыпочках прошла на лоджию. Подсвечивая себе телефоном, подтянула к себе сумку, в которую Игорь собрал все ее вещи. Нашла чистое белье, джинсы, футболку, сандалии. Быстро оделась. На самое дно сунула пакет с грязными кроссовками и одеждой, застегнула сумку. Сверилась со временем. Такси будет через десять минут. Она успеет...

Она не успела. Она ничего не успела!

Как только она взяла в руки сумку и шагнула в сторону балконной двери, входная дверь странным образом отворилась. Лиля остолбенела. Она могла поклясться, что не слышала ни единого щелчка в замке, никакого звука поворачиваемого ключа. Было очень тихо! В дверном проеме, слабо подсвеченном рассеянным светом с лестничной клетки, она точно разглядела силуэт человека, скорее всего мужчины, потому что человек был широк в плечах и узок в талии. Человек осторожно ступил в квартиру.

Он не хочет шуметь, догадалась она. Шуметь должна она! Шуметь, орать, звать на помощь, привлечь внимание, разбудить Игоря, которому грозит опасность. Почему она так решила? Да потому что человек, ступивший в квартиру, был вооружен. Он держал в руке оружие с длинным дулом. И не было никаких сомнений, что он явился сюда, чтобы пустить это оружие в дело.

Беги! Немедленно!

Сигнал в мозг поступил одновременно со вспышкой, вырвавшейся из дула оружия, которое держал в руках человек. Кто послал этот сигнал?! Всевышний? Ангел-хранитель, следовавший за ней повсюду? Или банально сработал инстинкт самосохранения? Но это был такой мощный посыл, что Лиля в шесть секунд очутилась на соседней лоджии.

Подхватила сумку – секунда. Тихо шагнула к кирпичной перегородке – две секунды. И еще три секунды ушло на то, чтобы зацепиться за выступ в кирпичной кладке перегородки и с легкостью перенести тело на соседнюю лоджию.

Кто спас ее этой ночью? Кто подарил ей бессонницу? Кто заставил собрать все свои вещи, включая грязное белье, и отправил ее одеваться на лоджию? И кто, в конце концов, надоумил соседей не закрывать балконные рамы и двери? Кто спас ее и для чего?!

Лилия плохо помнила, как тихо шмыгнула в соседнюю квартиру. Прошла через гостиную. Там никого не было. В спальне тихо бормотал телевизор, и кто-то негромко похрапывал. Без особого труда она открыла два замка на входной двери и вышла на лестничную клетку.

Она не боялась столкнуться с убийцей. Это был другой подъезд. В другом подъезде люди спали, забыв выключить телевизор. Спали, не подозревая, что через стену от них только что погиб человек. Ее любимый человек! Которого она... Которого она даже не попыталась спасти!

Уже в лифте, когда она ехала на первый этаж, ей сделалось так больно, так физически больно, что она, охнув, присела, поджимая колени к животу. Дверь кабины лифта открылась, снова закрылась, а она все сидела, съезжившись. Боясь шевелиться, боясь думать, боясь глубоко дышать.

Сколько прошло времени? Сколько она просидела, задыхаясь от боли, на полу кабины лифта? Минуту, пять, тридцать? Она не знала, и странно удивилась, когда, высунувшись из подъезда, обнаружила подъехавшее такси. Неужели прошло так мало времени? Неужели машина за ней? Ну да. На телефон пришло сообщение с номером и маркой машины. Это было то самое такси, которое она вызвала, чтобы ехать в аэропорт.

Лилия взвалила сумку на спину и, сильно сгорбившись, побежала к машине.

– Девушка, вы в аэропорт? – спросил водитель, когда она буквально упала на заднее сиденье машины.

– Я. Да, я.

– Хорошо, а то я уж хотел звонить. – И, швырнув телефон на панель, водитель тронул машину с места. – Значит, в аэропорт?

– Да. Совершенно верно. Аэропорт.

Она отползла от двери на другую половину сиденья. Глянула сквозь стекло наверх. И тут же закусила губу, чтобы не заорать.

В окнах квартиры Игоря полыхал свет. Два окна – кухни и гостиной, служившей и спальней одновременно, – были ярко освещены.

– Что за черт?! – ахнула Лилия, едва разомкнув губы.

– Что говорите? – тут же живо отозвался водитель, радуясь возможности поболтать.

– Нет, ничего. Свет забыла выключить, – пробормотала Лилия и устало прикрыла глаза.

Глава 3

– Ну, вот что на тебе надето, Иван?

Ноздри носа его папаши раздулись так широко, что там запросто разместились бы два его пальца – мизинец и безымянный. Иван подавил судорожный вздох. Опустил взгляд на свои джинсовые шорты, теннисные туфли, надетые без носков, легкую льняную рубашку.

– Что-то не так, пап?

– Все не так! Все! Это не прогулка на яхте. Не выезд за город. Ты едешь по важному делу с целой командой, Иван. Ты обратил внимание, как они одеты?

Иван обернулся в ту сторону, в которую отец тыкал пальцем. Возле трех больших черных внедорожников толпилось девять человек. Все, как один, в темных костюмах из плотной ткани. Белых рубашках.

– Это твои люди, Ваня. Твоя охрана. И они одеты соответствующе. Соответствующе статусу своего хозяина. А хозяин вышел к ним в трусах!

– Это шорты, пап.

Иван не собирался злить отца. Просто надел то, что попало под руку. К тому же не считал, что для того мероприятия, к которому его приставил отец, необходим строгий костюм. Все, что от него требовалось, это зайти в помещение с черного хода вместе с охранниками, проконтролировать выемку денег из сейфа, понаблюдать, как деньги пакуют в сумку, вернуться тем же путем с сумкой в машину. Точек было несколько, но алгоритм действий везде одинаков. Зашел, проконтролировал, вышел. С черного хода! Костюм-то зачем?

– Затем, что твои люди должны видеть в тебе хозяина, сынок. Не пацана в трусах...

– Это шорты, пап, – перебил его Иван, нервно поведя шеей. – Вполне приличные шорты, пап. Которые стоят, как один из этих костюмов.

Он пренебрежительно мотнул головой в сторону столпившихся охранников.

– Все равно мне, сколько они стоят! – отозвался отец со злостью и зашипел, сильно приблизив свое лицо к его лицу. – Существует такое понятие, как протокол. Мне не нужны смешки моей охраны в твою спину! Пошел и переоделся, быстро! Вы и так уже опаздываете!

От отца сильно несло чесноком, Ивана замутило. Он отшатнулся и, не желая дальше спорить и еще чтобы отец не заподозрил его в брезгливости, пошел переодеваться.

– И быстрее там, уже опаздываете, – крикнул отец ему в спину.

И что с того? Ну, опоздают, делов-то! Он вообще, вникнув в детали дела, целиком и полностью согласился с мнением уволенного Игоря Забузова. Надо все же время от времени менять расписание и маршрут. Нельзя уютить улицы с такой крупной суммой денег в одно и то же время. Это может быть опасным.

– Опасно опаздывать на важные встречи, – буркнул отец недовольно, когда Иван вышел к нему переодетым в легкий костюм и рубашку и поделился своими сомнениями. – Во всем, сынок, должен быть порядок. Даже в том, во что ты одеваешься. Система и порядок. Как только что-то пойдет не так, пиши пропало. Ну, с богом?

Он протянул сыну руку, тот вяло ее пожал. Грустно усмехнулся, наверняка сочтя своего старика чудачком, и пошел к воротам. Сел, как и было ему приказано отцом, в среднюю машину. Две другие – одна спереди, вторая сзади – прикрывали. Павел Сергеевич долго смотрел вслед сыну. Неуверенная походка, сутулится, руку жмет вяло. В машину, когда полез, башкой о дверь стукнулся.

Вот кто его зауважает, скажите, когда он ноги волочет подобным образом и в машину без синяка влезть не может? Мозги-то, может, и есть. Малый далеко не дурак, но вот физической подготовки ему явно не хватало. Физической подготовки и волчьей хватки. Отцовской хватки.

Упустил. Упустил он парня когда-то. Все некогда было, все дела. А надо было больше времени уделять его воспитанию.

Павел Сергеевич вошел в дом, прошел длинным коридором в зимний сад, сел в самом дальнем углу на старенький диванчик, обитый синим бархатом. Замер.

Он переживал? Он переживал. За то, как все пройдет. За то, как Иван справится. За то, как воспримут его люди. Насмешек в его адрес он не потерпит. Уволит к чертям всякого, кто посмеет. Есть, есть у него среди охраны один очень верный человек. Доложит обо всем. Ничего, ничего, мальчишка вырос, он умный, он поймет, как надо действовать.

Иван позвонил через полчаса.

– Пап, слышишь меня? – спросил он беспечным голосом.

– Да, что там у тебя? – Павел Сергеевич сел на диванчике ровно, сердце тревожно заколотилось.

– Все нормально. Первая точка пройдена. Все нормально.

– Результат? – Так они условились говорить о деньгах.

– Превзошел все ожидания, знаешь. – Иван знал, сколько обычно снимали они с первой точки. – Приятно удивлен.

– Ладно, ты там это... Не расслабляйся. Будь осторожен.

Ему не надо было произносить вслух этих слов. Не буди лиха, как говорится, пока оно тихо. Тревоги за сына, той самой тревоги, которая сводит внутренности, не было ведь до этой минуты. Пока не произнес вслух: «Будь осторожен», все было будто и нормально. А вот стоило сказать, как началось!

Вспомнилось все! И опасения Игоря Забузова. И его страхи, которые Павел Сергеевич счел мнимыми. А тому ведь показалось, что их кто-то вел на маршруте. И он не просто так принялся петлять. Павел вот уволил его без выходного пособия за самоуправство, а следовало бы разобраться. Следовало разобраться, какая тля посмела голову повернуть в сторону его кортежа?

И предостережения давнего приятеля из силовых структур вдруг в голову полезли. Тот при последней встрече настоятельно рекомендовал завязывать с «черным налом».

– Я прикрываю тебя, Паша, пока прикрываю, но ведь и надо мной люди есть. И им становится интересно.

– А мы их алчный интерес прикормим.

– Вряд ли получится, Паша. – Его приятель, который давно сидел у Павла на хорошем денежном пособии, почесал макушку. – Есть ведь люди и за звезды на погонах работающие.

– Так и звезды можем организовать.

– Нет, Паша, не то время. Не то. И люди меняются.

Разговор этот очень отчетливо вспомнился. И он вдруг подумал, что даже готов нести ответственность перед законом, лишь бы с Ванькой все было хорошо. Лишь бы никакая гнида не посмела...

– Пап? – Сын позвонил, словно уловив его тревогу. – Ты как там?

– Нормально. У тебя что?

– Да все норм. Еще несколько проехали. Негусто. Я книги бухгалтерские забрал на всякий случай. Хочу сам посмотреть. Кое-что там мне не понравилось. Но это я так, бегло посмотрел. Хочу дома разобраться.

Ничего себе! Вот это да, как говорится! А он-то его в слабаки записал.

– Молодец, сынок, – сдержанно похвалил Павел Сергеевич, широко улыбнувшись. – Давайте на последнюю и возвращайтесь.

– Хорошо, – отозвался сын и отключился.

Павел Сергеевич откинулся на спинку старого диванчика, прикрыл глаза.

Все! Надо легализоваться полностью. Хватит мутить с этим. Одно дело, когда чужой человек по городу ездит, деньги собирает. Совсем другое, когда его сын. Нехорошая была затея. Лишняя. Почему-то тут же вспомнилась его прощальная улыбка. Как-то странно грустно улыбнулся сын, уходя. И сердце снова зануло.

Последняя точка была очень паршиво расположена. Черный ход помещения выходил во двор. Три старых дома с проходными дворами. Высоковольтная будка, четыре мусорных контейнера. Там было, было где укрыться. И пути отхода были. Не надо. Не надо туда ехать Ване.

Он схватил телефон и набрал номер сына. Гудки пошли, но сын трубку не брал. Павел Сергеевич набрал охранника. Того, кто сливал ему всю информацию. Тот ответил сразу:

– Да, Павел Сергеевич.

– Иван где?

Он вдруг почувствовал, что начинает задыхаться. От страха, от предчувствия.

А может, придумал все? Может, потому ему душно, что влажно здесь? Зимний сад, который организовала еще его жена, разросся. Крохотные саженцы давно превратились в тропические деревья, упираясь кронами в стеклянный четырехметровый потолок. Лианы с громадными мокрыми листьями, цветущие орхидеи. Красиво, конечно, но дышать тут нечем.

– Иван в здании, Павел Сергеевич.

– Все нормально?

– Да, все в штатном режиме, – доложил охранник.

– Ничего подозрительного вокруг нет?

– Да нет. Все, как всегда. Все чисто, Павел Сергеевич.

– Внимательнее, – буркнул Кадашов и отключился, проворчав: – Чисто у него там...

И некстати вспомнилось, что Игорю Забузову каждый куст казался подозрительным. Всегда сто раз перестраخует. Не выйдет из машины, не проверив каждый угол. И машину подгонял так, чтобы, выходя из здания, в открытую дверь машины упереться.

Как-то теперь дела обстоят?

Он поднялся с диванчика, поставленного в этот угол его покойной женой. Пошел из оранжереи в кухню. Надо отдать распоряжения насчет обеда. Заодно узнать, не явилась ли на работу помощница повара Лиля. Будто приболела она несколько дней назад. Взяла отгулы.

Она нравилась Ваньке. Очень нравилась. Он, как отец, это сразу почувствовал. И хотел переговорить с ней. Хотел попросить ее быть к нему благосклоннее. Мальчик заслужил награду за свой первый рабочий день после долгого перерыва.

– Добрый день, Павел Сергеевич. – Шеф-повар, которого Павел Сергеевич отжал у своего лучшего друга, вытянулся с половником над большой кастрюлей. – Какие будут распоряжения?

– Что у нас сегодня? Понедельник? Все как обычно по понедельникам, друг мой. – Павел Сергеевич повертел головой. – Помощницы твоей не вижу.

– Болеет, – последовал скупой ответ.

– И как долго болеть собирается? – Он раскинул руки, упираясь ими в притолоку кухонной двери.

– Не знаю, – пожал плечами повар, сдвинул высокий накрахмаленный колпак со лба, почесал надбровья. – Звонил. Телефон вне зоны.

– Что так?

– Не могу знать. На адрес ее прописки послал человечка, а там никого. А соседка говорит, что она редко в своей квартире появлялась. Будто у нее парень какой-то был.

– Парень? – Кадашов насторожился. – Что за парень? Почему мы ничего о нем не знали?

– Так говорила она всем, что одна. Что у нее никого нет, – принялся оправдываться повар. – Всем и всегда говорила. И ей никто никогда не звонил, это точно. И она никому не звонила.

– А парень все же был? – Кадашов прищурился, нехорошие предчувствия снова заворочались, заворочались, обдавая холодом. – И о нем никто не знал?

– Ну да.

– А соседка видела парня?

– Говорит, один раз видела. Он за Лилей как-то приезжал. Грузил ее вещи. Но давно это было.

– Ты не тяни, не тяни, что за парень? На какой машине приезжал?

– Машину соседка не видела. Парня тоже не рассмотрела в лицо. Спиной он к ней стоял. Высокий, говорит, широкоплечий. Стрижка короткая. Лиля его Гошей называла.

– Гошей?

– Да. И еще, Павел Сергеевич, тут такое дело. Даже не знаю, как сказать. Может, это мои выдумки, но...

– Что ты тянешь тут, как тесто на лапшу! – воскликнул Кадашов, хватая со стола пустую чашку и наливая в нее ледяной воды из кулера. – Говори!

– В общем, соседка парня-то не разглядела, Гошу этого самого. И машины его не видела. Но хорошо разглядела его брелок, который он на пальце накручивал. Удивительный брелок. Такие, уверяет она, не продаются с прилавка. Такие, с ее слов, на заказ делаются.

– Ты будешь говорить или нет?! – взревел Кадашов, запуская чашкой в повара. – По слову из тебя тянуть, что ли?!

Чашка пролетела над головой повара в пяти сантиметрах и благополучно приземлилась в кастрюлю с бульоном, булькнула, утопая. Повар, проследив за ней, со вздохом полез в бульон черпаком, который все еще держал в руках.

– Игоря Забузова это брелок, Павел Сергеевич. Три дельфина из янтаря, инкрустированные золотом, на золотой цепочке. Я, кстати, тоже такого брелока больше ни у кого не видел. А живу давно.

– То есть ты хочешь сказать... – Взгляд у Кадашова застыл, сделался страшным. – То есть ты хочешь сказать, что Лиля встречалась с Игорем?! Моим охранником? Моим помощником в самых важных делах?

– Выходит, так.

Повар выудил чашку из кастрюли, швырнул ее в раковину, помешал бульон. Поморщился. Воды в бульон попало граммов сто пятьдесят. Лишней воды. Он не любил нарушать пропорции. В этом крылось его мастерство. Придется бульон выливать. Или упаривать, чего он тоже не любил.

– Поначалу подумал, что она с ним здесь познакомилась, и закрутилось у них, – проговорил он, подхватывая кастрюлю с плиты. – Только не выходит, Павел Сергеевич.

– Что не выходит? – слабеющим голосом спросил Кадашов, пятясь с кухни.

– Лиля пришла к нам работать в начале лета, так?

– И что?

– А соседка видела ее парня давно. Может, месяцев шесть, говорит, назад. Получается, они давно знакомы. А здесь никогда даже не здоровались. Притворялись. Странно как-то.

– Да, странно. – У него вдруг онемели губы и левая сторона лица. Он еле услышал себя, когда произнес: – Врали. Они оба врали. Зачем? Чтобы работу получить?

– Это тоже вряд ли, Павел Сергеевич. – Повар выкатил нижнюю губу валиком. Помотал головой, высокий колпак закачался. – Не нужна была этой девушке такая работа.

Он повел правой рукой вокруг себя, указывая на кухонную утварь.

– Соседка удивилась, когда мой человечек сказал, кем Лиля у нас работает. Будто образованная она очень.

– Кто? Соседка? – не понял Кадашов.

Голове сделалось горячо от множества мыслей. Страшных мыслей! Игорь мудрил. Путал следы. Ездил к какой-то шлюхе в стриптиз-клуб, а сам тайно встречался с Лилей. Начал менять маршрут, намекая на слежку, которой никто, кроме него, не заметил.

Слова повара едва доходили до него.

– Лиля, Павел Сергеевич. Лиля, со слов соседки, имеет высшее образование, и не одно, знает несколько языков. И родители у нее очень образованные. За границей живут, преподают там. Зачем ей работать помощницей повара? Бред же, Павел Сергеевич.

– Ты когда?.. – Кадашов вцепился в дверь, принявшись ее раскачивать. – Ты когда, паскуда, собирался мне об этом рассказать?!

– Сразу после обеда, Павел Сергеевич. – Повар виновато двинул носом. – Сам узнал час назад.

Час назад. Час назад. Час назад он мог все еще отыграть обратно. Мог вернуть Ивана с маршрута. Мог не заставлять его ехать до конца. До последней точки, которая так паршиво расположена. Сколько? Сколько прошло времени с тех пор, как он говорил со своим охранником?

Кадашов полез в карман штанов за мобильником. Посмотрел вызов, сверил время. Господи! Да целых полчаса же прошло, пока этот недотепа повар цедил по слову! Почему тишина?! Почему Иван не звонит? И никто не звонит ему почему?!

Он тут же набрал сына. Вызовы шли, но он не отвечал. Набрал охранника, отвечающего за информацию. Недоступен! Что за ерунда?! Он снова и снова набирал номер сына. Слушал, холодея, длинные гудки и снова набирал.

Все. Это конец. Что-то случилось, понял он, когда набрал его номер в десятый раз. Иван не отвечал. Так не могло быть, так не должно было быть.

Кадашов полистал телефонную книгу. Нашел охранников сопровождения. Принялся поочередно набирать каждого. Ответил только один. Он его плохо помнил. Он был из новеньких. Пришел всего две недели назад.

– Да, да, Павел Сергеевич! – заорал в трубку не своим голосом охранник.

– Что там у вас?

Он очень старался, чтобы его голос звучал твердо, властно, авторитетно. Но сам себя не узнал.

– У нас тут жопа, Павел Сергеевич! – заорал снова охранник.

И Кадашов отчетливо услышал несколько выстрелов. Подряд несколько выстрелов. Точнее – очередь. Автоматную очередь.

– Что у вас?! – повысил он голос. – Говори, сволочь, не молчи!

– На нас напали. Когда ваш сын вышел с сумкой из здания, началось такое! Стреляли... Стреляли сразу с трех точек. Наших троих сразу положили. – Голос охранника, устроившегося всего пару недель назад, зазвенел страхом. – Двое ранены. Четверо нас осталось.

– Иван? Где Иван? – спросил он.

И скорее угадал, чем услышал:

– Его больше нет, Павел Сергеевич! Его срезало сразу! В грудь очередь. Грудь в месиво! Да что же это? А-а-а-а-а! – заорал парень, принявшись отстреливаться. – Они с «калашом», а у нас «пукалки»! А-а-а-а, твари!

Видимо, охранник уронил телефон. Или просто отшвырнул его, забыв выключить. И Павел Сергеевич все слышал. Крики, топот, ругань, стоны, перекрываемые автоматными очередями. Он стоял, окаменев, в темном узком коридоре между кухней и столовой. Стоял, плотно прижав трубку к уху, и слушал. Слушал жуткую симфонию, под которую умирал его сын. Или уже умер! Вспомнилась его улыбка. Он так грустно улыбнулся ему, уезжая. Почему? Что-то почувствовал? Увидел какой-то знак свыше? Покойная мать ему с небес рукой махнула?

Ванька! Ванька, неужели тебя больше нет?! Сын! Оболтус ты эдакий! Как же ты мог так подставиться?!

– Павел Сергеевич! Павел Сергеевич! – заорал ему на ухо тот самый охранник, которого он лично принимал на работу пару недель назад. – Они уходят! Уходят с деньгами! Что делать?!

– Ты видел их? Ты знаешь, кто это?!

Он задыхался. Страшный звериный крик рвался наружу. Беда! В его доме снова беда! И это он, он виноват! Нет...

Нет, это не он. Это те, кто посмел напасть на его людей. Посмел убить его... его единственного сына.

– Я видел только девку, – срывающимся голосом произнес парень. – Она побежала во дворы. Остальных не заметил. Они угнали две наши машины. На третьей бак пробит.

– Девка... Девка побежала во дворы... Что за девка?

– Я ее не знаю. Не видел никогда. Но ребята говорят, что она у вас на кухне повару помогала.

– Догнать! – продавил он сквозь стиснутые зубы. – Догнать! И мне ее сюда! Сюда мне... Буду пальцами рвать ее. Зубами!

Последних слов охранник не слышал. Он их не произнес. Он их простонал. Душой, разбитым сердцем.

– Понял, Павел Сергеевич. Нас четверо и...

– Трое за ней. Один пусть с Ваней останется. «Скорую» вызвали?

– Да всех вызвали, Павел Сергеевич. И ментов и врачей. Только не торопятся они. Не дураки под пули за чужое бабло подставляться. Все, я побежал...

И Кадашов побежал. Неуклюже припадая на обе ноги, как старый медведь, он побежал в гараж. На ходу отдавая распоряжения оставшейся в доме охране, он набрал тут же своего приятеля, с которым рыбачил, охотился, в бане парился, и которому из месяца в месяц щедро платил. Коротко рассказал ему, что случилось. Пропустил мимо ушей его вздох со словами: «А я ведь тебя предупреждал». И обронил напоследок:

– Найди мне их, брат! Найди.

– Хорошо. Понял. Я сейчас сам туда выеду. Сигнал на пульт о стрельбе в том районе уже поступил. Объявлен план «Перехват».

Никакой ваш план «Перехват» не сработает! Поздно. Слишком поздно. Грабители ушли на двух его машинах. Наверняка уже скинули их где-нибудь. И узнать, кто там был, кто посмел напасть на его людей, кто посмел убить его единственного сына, ни черта не получится. Полиция не станет рваться из-за его «черного нала». Убиты люди? Так люди приехали за его неправедными деньгами. Знали, на что шли. Обычные бандитские разборки, пожмут плечами опера и втиснут папку с делом куда-нибудь подальше. А то, что погиб его сын, его невинный ребенок, никогда не проявлявший желания участвовать в его бизнесе, никого не взволнует. Никого, кроме него.

– Мы готовы, Павел Сергеевич.

Двое охранников, всегда отвечавших за периметр, стояли возле его машины, вооружившись его охотничьими ружьями. Он так распорядился. Другого оружия он не имел. Все в прошлом. Только охотничьи ружья и пистолеты охраны, на которые была лицензия и которые оказались бесполезными против автоматов грабителей.

Кадашов влез на заднее сиденье, захлопнул дверь и скомандовал:

– Поехали.

И вдогонку подумал, что ружья были ни к чему. Там все уже закончилось. Некого было расстреливать. Только собственную боль, которая терзала все его тело. Он бы и попросил кого-нибудь сделать это, и страха бы не испытал. Зачем ему теперь жизнь? Ради чего? Он бы с радостью ушел следом за Ваней, только...

Только прежде он должен найти их. Всех найти! Плевать на деньги, он заставит грабителей их жрать. Он затолкает пачки денег в их алчные глотки! Он собственными руками вытащит из их груди их черные сердца! Он...

Он отомстит! Он жестоко отомстит всем им, их семьям! Он заставит их всех страдать так, как сам сейчас страдал. А потом уйдет следом за Ваней. Так он решил, пока ехал на место перестрелки. Туда, где погиб его невинный ребенок, грустно улыбнувшийся ему на прощание.

За пару кварталов до места он снова набрал охранника, который недавно устроился. Тот ответил сразу.

– Да, Павел Сергеевич! – прокричал он в трубку запыхавшимся голосом.

– Вы взяли ее?

– Уходит! Уходит тварь! Резвая больно. Одному нашему руку вывихнула, когда он ее схватил. Она спортсменка, что ли?! А говорили, что помощница повара.

– Не упусти, парень. Не упусти ее, озолочу! – скрипнул зубами Кадашов и прикрыл глаза, их жгло от невозможности смотреть на мир, в котором не было больше Ваньки. – Живой... Живой ее мне...

– Уходит в сторону больнички, Павел Сергеевич! – заорал малый и принялся громко с кем-то переговариваться. – Районная больничка. Три корпуса, пять этажей. Потеряем!

– Слушай сюда, парень, – прошипел Кадашов. – Я запрошу сейчас еще людей. От полиции. Больничку возьмут в кольцо. Она не уйдет. Не упускай ее из виду, парень. Контролируй территорию. Внутри пока не входите. Просто контролируйте периметр. Там наверняка все в камерах. Она не уйдет. Возьмите ее! Она не должна уйти...

Глава 4

Ей не уйти! Они поймают ее. Поймают и расчленият. В том, что она будет умирать медленно и страшно, Лиля не сомневалась. Кадашов-старший отомстит за сына. И даже разбираться не будет: виновата она или нет.

Она была на месте перестрелки, зачем? Что ей там было нужно? Откуда она узнала о времени и маршруте? От Игоря? От какого такого Игоря? От того, которого сам Кадашов уволил неделю назад? А она какое имеет к нему отношение? Ах, они встречались! Давно! Ух ты! Ну, это ладно, это их личное дело, молодое. Что она делала на точке? Как там оказалась? И кто те грабители, которые положили охранников и его сына? Она не знает?

Нет, так не получится. Она должна говорить правду, и только правду. Иначе...

Она так явственно слышала голос Кадашова – страшный, издевательский, как будто он сам сейчас бежал рядом с ней, пытаясь оторваться от преследования. Она слышала его голос, видела его перекошенное ненавистью лицо, ощущала его безжалостные руки на своем окровавленном теле.

Она слышала, видела, ощущала все и бежала. Господи, она никогда так не бегала! Даже на международных соревнованиях, в которых принимала участие, будучи студенткой, она так никогда не выкладывалась, хотя и брала призы. Она бежала. Перепрыгивала через препятствия, огибала заборы, пришлось даже оказать сопротивление самому резвому из охранников. Он ее догнал и схватил за руку. Она вырвалась, пришлось применить один из забытых приемов, которым ее обучал Гоша. Парень сильно заорал и рухнул на землю, схватившись за плечо. Жалеть его времени не было. Она помчалась дальше.

Она не понимала, куда бежит. Ее срисовали охранники, даже звали ее по имени, пытались догнать. Кадашову уже наверняка доложили. Тот доложил в полицию. Там у него было все схвачено. Ей не уйти! Даже если сейчас она убежит, ее станут искать. Именно ее – Лилю Майкову, а не кого-то еще.

Ну почему, почему она не улетела из страны, когда была такая возможность?! Она благополучно доехала на такси до аэропорта, выкупила заказанный билет, прошла регистрацию. И не улетела. Просидела полтора часа, скорчившись на скамейке ожидания, и не улетела.

Ей покоя не давали вопросы? Мучили ее, терзали, не позволяли дышать? И что? Она получила ответы на них, явившись на самый неблагонадежный, со слов Гоши, объект Кадашова в понедельник? Она заметила наблюдателей, которых он срисовал какое-то время назад?

Она попала под раздачу, как сказал бы Гоша, останься он в живых. Она приехала заранее, зная приблизительное время, когда забирались деньги. Устроилась на одной из скамеек во дворе близлежащего дома. Затихла. И увидела их. Грабителей увидела. Их было трое. Их она не знала. И они вряд ли ее знали, поэтому прошли мимо нее, переговариваясь, не обратив на нее внимания. Но!

Но голос одного из них она узнала. Этим голосом с ней поздоровался один из велосипедистов в Гошином дворе накануне его гибели. Значит, мог знать ее в лицо? И она лицо тут же спрятала, укутавшись в легкий шарф и ниже надвигая на лоб капюшон спортивной куртки.

Они прошли мимо нее, будто ее не заметив. Видимо, волновались перед налетом. Потом рассредоточились по двору. Один спрятался за мусорными контейнерами. Второй за высоковольтной будкой. Третий натянул оранжевый жилет и начал интенсивно махать метлой почти возле самой двери черного хода.

Ей надо было уходить. Срочно! И она даже поднялась со скамейки, намереваясь уйти через один из проходных дворов. И даже собралась позвонить Кадашову. Но тут во двор въехали машины. Три черных джипа. Друг за другом. Тот, что ехал посередине, застыл возле двери. Из машины вышел Иван. Нарядный. В легком костюме, красивой рубашке.

Лиля открыла рот, чтобы крикнуть ему, чтобы предупредить об опасности. Но не успела. Иван скрылся за дверью черного хода.

Так она не успела или не захотела? Голос Кадашова снова загремел в ее голове. Она перепрыгнула низкую ограду больничного двора, в два прыжка пробежала по клумбе с подможенными петуньями и свернула к отделению неотложной помощи.

Там люди! Много людей. Там хаос. Ей надо туда. Там легче спрятаться. Там легче будет затеряться. За ней до сих пор бежали люди Кадашова. Не отставали. Она слышала их топот, ругательства. Слышала их сиплое дыхание за спиной. Они были совсем близко.

Так не успела она или не захотела предупредить Ивана о готовившемся нападении?

Она не знала! Не знала, что ее остановило! Страх? Или подозрение? Кем был послан тот киллер, который вошел в Гошину квартиру с пистолетом? Кем?! Грабителями, которых Гоша срисовал? Или Кадашовым, решившим Гошу устранить как важного свидетеля?

Она сомневалась минуту, и это стоило Ивану жизни. Он открыл дверь черного хода, вышел с сумкой, в которой были деньги. И тут же раздался грубый стрекот автоматной очереди. Он умер сразу.

Она искренне на это надеялась.

– Девушка! Девушка, вы куда?! – заверещала ей в спину медицинская сестра из приемного отделения. – Вернитесь немедленно!

Она бежала. Вперед. Вверх по лестнице. Бежала какими-то переходами. Заскакивала в лифт, полный людей. Ехала вверх. Потом вниз. Она пыталась запутать следы. Кажется, ей это удалось. Перед дверью хирургического отделения она замерла, оглянулась. Длинная кишка больничного коридора была пуста. За ней никто не бежал. Они отстали. Они потеряли ее. Но это не значило, что вся территория перед больницей еще не оцеплена. Ей не выбраться отсюда. Надо что-то придумать. Срочно!

Дверь хирургического отделения распахнулась. В коридор вышла пожилая женщина с пустой сумкой, в белой накидке, наброшенной на плечи, на ногах бахилы.

– Простите. – Лиля судорожно сглотнула, во рту было сухо, голос звучал хрипло. – Вы не одолжите мне бахилы и халат? Мне надо срочно в отделение, там... Там...

– Понимаю. – Женщина скорбно поджала губы, оглядела ее с головы до ног. – Запыхалась, бедная. Только сообщили, что ли?

– Да, да. Помогите!

– Да ладно. Не жаль. Накидка одноразовая. Бахилы тоже.

Женщина прислонилась спиной к стене, с трудом подтянула пятку к колену, стащила сначала одну бахилу, потом вторую. Сунула в руки Лиле. Сдернула с плеч накидку.

– Мне не понадобится больше. Выписывают моего благоверного. Слава богу, отходила сюда.

Она подхватила пустую хозяйственную сумку и пошла длинным коридором к лифтам. Лиля натянула на пыльные кроссовки бахилы, закуталась до подбородка в широкую белую накидку и вошла в хирургическое отделение.

Она не знала, куда идет. Просто шла, заглядывала в палаты. Миновала операционную. Над дверями светилась сигнальная надпись «идет операция». Мелькнула глупая мысль, а не лечь ли под нож хирурга, чтобы сбить с толку преследователей? Но с ее отменным здоровьем не получится. Глупо было даже думать об этом. Увидев широко распахнутую дверь палаты интенсивной терапии, она шагнула прямо туда. Осмотрелась. Много приборов. От них вязанка трубок, тянущихся к койке. Пустой койке! Возле окна стоит человек. Мужчина в белом халате и белой шапочке. Не посетитель. Доктор. Руки в карманах халата. Смотрит в окно. На шум ее шагов обернулся. Внимательно ее осмотрел.

– Вы разве не знаете, что сюда посторонним вход запрещен? – произнес он каким-то странно безжизненным голосом.

– Помогите! – прошептала Лиля, потянула дверь на себя, заперла ее изнутри и неожиданно упала на колени. – Помогите!

Она ждала всего, чего угодно.

Сейчас, вот сейчас доктор заорет, погонит ее прочь, и долго будет возмущаться ей в спину, сочтя обнаглевшей, обкурившейся. Он подойдет к двери, откроет ее и вытолкает Лилю в коридор. Или позовет охрану, позвонив на пульт. Поднимет шум, на который сбежится весь свободный от операции персонал.

Она ждала всего, чего угодно, но только не того, что он сказал.

– Территорию больничного двора оцепила полиция. По вашу душу, милая? – спросил тихим голосом доктор, подходя ближе. Скомандовал: – Встань.

Лилия послушно поднялась на ноги, хотя они ее не держали.

– Да. Наверное.

Она во все глаза смотрела на доктора. Он был молодым. Чуть за тридцать. Лицо гладко выбрито, очень бледное. Тонкие губы почти бескровны. Глаза смотрят равнодушно. Когда он подошел к ней почти вплотную, она обнаружила, что он почти одного с ней роста.

– Что натворила? Убила кого-то? Ограбила?

– Нет, нет, нет. Я ничего не делала. Просто оказалась не в том месте не в то время, понимаете, я...

– Заткнись, – приказал он тихим голосом, ощупывая ее лицо взглядом очень странных, почти бесцветных глаз.

Лилия замолчала. Но ненадолго. На мгновение.

– Помогите. Прошу вас! – взмолилась она, хватаясь за его руку, которую он держал в кармане. – Я сделаю для вас все, что вы пожелаете!

– Ух ты! – Его тонкие губы скривила недоверчивая ухмылка. – Звучит многообещающе.

– Помогите! – прошептала Лилия и зажмурилась.

Пальцы доктора тронули ее щеки, прошлись по губам, лбу, подбородку.

– Я бы здесь исправил. Здесь и здесь, – произнес он деловито, ткнув пальцами в ее скулы и нос. – Будет много лучше, чем теперь.

Ей вдруг показалось, что она слышит в коридоре какой-то шум. Отвратительный шум. Это могли быть ее преследователи. Полиция. Они найдут ее. И тогда она будет долго и мучительно умирать. Ни за что!

– Помогите! – взмолилась Лилия, втягивая голову в плечи. – Они убьют меня. Потому что я их видела! Грабителей видела.

– Да понял я, что ты ни при чем. На твоей одежде нет крови. От тебя не пахнет порохом. Я в этом деле разбираюсь. Охотился, – кивнул доктор, обернулся на пустую койку. Снова приказал: – Раздевайся. Догола. Быстро.

Лилия послушно избавилась от одежды. Сунула ее в протянутый доктором пакет. Встала, дрожа всем телом, возле пустой больничной койки.

– Красиво сложена, – с удовольствием осмотрел ее голую доктор и кивком указал на кровать. – Ложись. Быстро. Сейчас будем делать тебе перевязку.

У него ушло десять минут на то, чтобы превратить ее голову в кокон с крохотными щелками для глаз, носа и рта.

– У вас не будет проблем, доктор? Из-за меня? – запоздало спохватилась Лилия, наблюдая за тем, как он подключает ее к приборам.

– Я заведующий отделением, я здесь хозяин. И персонал не привык задавать мне вопросы. К тому же завтра у меня предпоследний рабочий день. Я уезжаю. Домой. На малую родину. – Он вогнал ей в вену иглу от капельницы. – Сейчас ты поспишь. Так надо. Чтобы ты не выдала себя, если вдруг сюда нагрянут твои палачи.

– А я? – пискнула Лилия, чувствуя, как наливаются тяжестью веки.

- Что ты?
- Вы уедете, а я? Что будет со мной?
- А с тобой, дорогая, будет все, что я пожелаю, – улыбнулся он едко, прекрасно зная, что она его уже не слышит. Она уже спит.

Глава 5

– Помянем, – скомандовал Кадашов присутствующим.

Тридцать человек, сидевших за овальным столом в его столовой, поднялись, сжимая в руках стопки с водкой. Кадашов подняться не смог. После гибели сына что-то случилось с его ногами. Они перестали его слушаться. Он почти не ходил самостоятельно, в основном передвигаясь на коляске.

– Помянем сыночка моего, невинную душу, – пробормотал он невнятно и быстро опрокинул в себя сто пятьдесят граммов водки.

Все присутствующие, почти все люди из его охраны, выпили следом за ним. Сели на свои места, загремели вилками и ножами. Кадашов не ел. Он сидел не двигаясь и терзал пальцами поминальный оладушек, вымазанный медом. Взгляд его – потухший, будто умерший, был направлен на портрет сына с траурной лентой.

– Три года... – прошептал Кадашов едва слышно. – Три года тебя нет с нами, Ванька. А я все еще не с тобой. Все еще не могу уйти с этого поганого света на твой. Потому что не могу найти их. Кто-нибудь ответит мне!

Тридцать человек замерли как по команде.

– Кто-нибудь ответит мне, когда я смогу отомстить за своего сына?! – повысил голос Кадашов, рассматривая присутствующих с неприязнью. – Егор!

Охранник, которого он назвал, резко вскочил на ноги. Это был тот самый парень, которого он принял сам за две недели до трагедии. Тот самый парень, который не побоялся лезть под пули. Который бросился догонять преступницу и который благополучно ее упустил.

– Егор, что нового?

Кадашов прекрасно знал, что нового ничего не случилось. Информации ноль. Ему ежедневно обо всем докладывали. Но он должен был покуражиться. Должен был дать выход своей неутраченной боли и ненависти. Должен был заставить этих бесполезных людей себя бояться, раз они сидят за его столом и жрут его хлеб.

– Павел Сергеевич, как я уже докладывал, поиски пока ни к чему не привели, – проговорил Егор невнятно, чуть не подавившись ложкой салата, которую толком не успел прожевать.

– Пока... Не привели... – повторил через паузу Кадашов и запустил в Егора истерзанным поминальным оладушком. – Три года, Егор! Три года тянется эта история. А вы ничего... Ничего не сделали! Сядь!

Егор послушно опустился на стул и перевел взгляд на парня, сидящего напротив и с хмурым видом спешащего прожевать то, что во рту. Сейчас должна была наступить его очередь.

– Станислав! – рыкнул Кадашов, не обманув их ожидания. – Что скажешь? Ты у нас действующий сотрудник полиции. Знаменитый на весь город опер. Зарплату получаешь сразу в двух местах. И государство тебе платит, и я. Что нового имеешь нам сообщить?

Тот поднялся, швырнул салфетку на стол и начал докладывать, прямо как на совещаниях у своего начальства.

– Как я уже ранее докладывал, Павел Сергеевич, личности нападавших грабителей установлены. Это некто...

– Знаю я их, досконально изучил их личные дела за три года. Всю их родословную изучил. Дальше!

– Разосланы ориентировки, ведется поиск, но результатов пока нет. Эти люди как сквозь землю провалились.

– А может, и провалились, майор? Ты не думал, что этих людей уже попросту нет в живых, а?

– Никак нет, Павел Сергеевич. Трупы не были обнаружены. Я бы знал.

– Тебе ли не знать, как можно тело спрятать. Можно спрятать так, что никто не найдет.

– Сразу троих? – усомнился майор. – Это вряд ли.

– Почему троих? Пятерых! А девка? Про девку ты забыл? А про Игоря? Ясно же, что он организовал это ограбление. Ты сам, майор, такую версию выдвигал. Почему троих? Пятерых мы ищем! Три года уже ищем, майор. И не можем найти.

– Павел Сергеевич.

Станислав вскинул на него укоризненный взгляд. Хотелось напомнить этому постаревшему жестокому наглецу, что первые полгода он дома не жил, работая в свое свободное время исключительно на него. Он жену забыл. Детей не видел шесть месяцев. Он землю носом рыл. Опросил сотни людей, работал со свидетелями, выдвинул с десятков версий и отработал их все. В свободное от своей основной работы время, между прочим! Ну не нашел он подтверждения ни единой своей версии. Не нашел.

Личности троих грабителей, устроивших бойню возле дверей черного хода одного из предприятий Кадашова, были установлены. Их физиономии не очень хорошо попали в камеры наружного наблюдения. Но нашелся фотограф-любитель из дома напротив. Как началась стрельба, он с риском для жизни завис возле окон и снял не все, но многое, на свой фотоаппарат. А потом предложил все снятое людям Кадашова. Не бесплатно, конечно. Благодаря его снимкам и удалось установить личности грабителей.

Это были люди с богатым криминальным прошлым. На дело сошлись, по версии следствия, случайно, поскольку раньше их пути никогда не пересекались. Уроженцы разных мест, сроки заключения отбывали в разных зонах, общих родственников и друзей не имели.

Чтобы только одно это установить, пришлось работать несколько месяцев. Кадашов, он что думает? Что вот явился на адрес такой бравый майор Станислав Иванович Гончаров, принялся задавать вопросы бывшим заключенным и друзьям подозреваемых, и ему сразу в клюве всю информацию и принесли. Так, что ли?

А вот хрен там! Потому что бравому майору Станиславу Ивановичу Гончарову собственным лбом приходилось пробивать такие непроходимые стены, что как цел остался, непонятно. И отчитываться приходилось и на службе, и в кабинете Кадашова.

– Я много лет Павел Сергеевич, – огрызнулся Кадашов и ткнул пальцем в портрет сына с траурной лентой. – А Ванька, мой Ванька, и побыл всего двадцать пять лет. Его... Его, как последнюю свинью на бойне, убили! Очередь в грудь! Это же... И главное, зачем?! Ну, забрали бы деньги и валили бы. Зачем так-то?

Как обычно случалось в такие моменты, Кадашов прикрыл глаза руками и затих. Все присутствующие замерли. Не гремели столовые приборы, не шуршали накрахмаленные салфетки, никто не жевал, многие дышали с осторожностью. Хозяин мог так просидеть от нескольких минут до часа. Полтора часа он просидел именно так – закрывшись от всех руками – сразу после похорон. И никто не двигался. Все ждали. Ждали распоряжений. Они должны были последовать и сейчас.

– Сядь, Станислав, – приказал он, дернувшись и роняя руку на подлокотник инвалидного кресла.

Тот послушно опустил на место. И насторожился. То, как смотрел на него сейчас Кадашов, не сулило добра. Взгляд не был злым. Он был с подвохом.

– А скажи мне, Станислав, где сейчас твой друг Сергей? Сергей Устинов? А?

Это вот «а» прозвучало щелчком хлыста со свиным наконечником. Гончаров судорожно сглотнул и отрицательно покачал головой, добавив короткое:

– Не знаю.

– О как! А он ведь был твоим закадычным другом. И, по утверждениям компетентных лиц, всем своим показателям по раскрываемости ты был обязан именно ему – Устинову Сергею Игоревичу.

Кадашов сунул руку в накидную сумку на подлокотнике инвалидного кресла, вытащил оттуда пластиковую папку отвратительного оранжевого цвета. Швырнул ее на стол, мало заботясь о том, что одновременно опрокинул две рюмки и соусницу.

– Здесь все о нем. Все о вас, – сильно растягивая слова, проговорил Кадашов, не спуская с него гадкого взгляда с подвохом. – Там много интересного, Станислав. Что скажешь?

– Не могу знать, Павел Сергеевич.

Станислав попытался встать. Но Кадашов остановил его небрежным:

– Сиди уже.

Гончаров остался на месте.

– Чего ты не можешь знать, Станислав? – Растрескавшиеся синюшного оттенка губы Кадашова расплзлись в отвратительной ухмылке.

– Не могу знать, Павел Сергеевич, что в вашей папке.

– Да все ты знаешь, Стасик. – И Кадашов даже позволил себе легонько рассмеяться. – Все! И как друга своего использовал все то время, пока вы работали бок о бок и пока он твою задницу спасал. И как мозги его незаурядные использовал, Стасик, знаешь тоже. И как сдал его, когда от тебя этого потребовали. Высшее руководство. Помнишь, нет, как друга пустил под раздачу?

Гончаров молчал. Он сидел, сцепив на коленках руки. Он все понял. Догадался. По ядовитым ухмылкам охраны Кадашова понял, что последует дальше. Не понял и не догадался только, откуда Кадашов узнал про Серегу? Истории о нем давно мхом поросли. Он уже четыре года как на гражданке. Сначала в охранных предприятиях работал. Потом начал сильно пить, долго нигде не держался. Пытался частное детективное агентство открыть, не пошло. Жена от него ушла и уехала будто, куда-то за границу. И потом вообще тишина. Никто о нем ничего не слышал. Заехать навестить друга Станислав не мог. Он был виноват в его увольнении. Не встал на его защиту. Молча кивнул, когда с него потребовали согласия.

– Так что ты о нем знаешь сейчас, Станислав? – не хотел униматься Кадашов.

– У меня нет о нем никакой информации, Павел Сергеевич. Последние два года нет.

– А потому что не интересовался. Закрутился с моими частными делами. Уж прости, дорогой, что я так тебя нагрузил, – произнес Кадашов с издевкой. Поставил локоть на подлокотник инвалидного кресла, опустил на кулак толстый подбородок. – А если бы ты был посвободнее, то узнал бы, что друг твой едва концы не отдал год назад. Напился, уснул с сигаретой, пожар устроил в квартире. Хорошо соседи вызвали вовремя и пожарных, и медиков. И квартиру спасли, и друга твоего откачали. И один добрый доктор, которому в свое время Сергей Устинов помог, даже взялся за его лечение. И не пьет теперь твой друг Сергей Устинов. Год уже как не пьет. Работает, правда, не по специальности и не по призванию.

– Где? – не выдержал, спросил Гончаров.

– А грузчиком в супермаркете трудится. До бригадира уже вырос. Какая-никакая, а карьера. Н-да... – Кадашов беззвучно шевельнул растрескавшимися губами, потом тяжело глянул на Станислава, проговорил: – Не хотел прерывать твою трапезу, по поводу все же собрались, не так просто – пожрать. Но...

Станиславу пришлось встать, потому что хозяин дома подкатил на своем инвалидном кресле к тому месту, где он сидел, и ткнул пальцем в его обтянутую дорогим пиджаком спину. Он встал, повернулся к Кадашову. Уставился в его холодные глаза, смотревшие зло, надменно.

– Но ты уволен, Станислав. Извини.

После того как Гончаров покинул столовую торопливым, сбивающимся на суетливый, шагом, воцарилась тишина. Каждый смотрел в свою тарелку, боясь поднять голову. Ждали увольнений. Работать на Кадашова было нелегко, но прибыльно. Он много требовал, но щедро платил. И каждый держался за свое место.

Но Кадашов снова удивил.

– Все свободны, – проговорил он, коротко взглянув на настенные часы. – До распоряжений.

Аккуратно поднявшись, не громыхнув ни единым стулом, народ из столовой неслышно исчез. За десять минут, в течение которых Кадашов рассматривал за окном набухшие под недельным дождем ели, со стола было убрано. Была поменяна скатерть. На стол поставили две чайные пары, горячий фарфоровый чайник, три вазы с постным печеньем, конфетами и домашним вареньем.

– Павел Сергеевич, он здесь, – тихо оповестил охранник Егор, с низко опущенной головой застыв возле двери в столовую.

Не было нужды говорить, кто именно. Они оба знали, кого ждал Кадашов. Для кого накрыли к чаю. Пришел Устинов.

– Пусть войдет, – проговорил Кадашов негромко.

Егор коротко кивнул, отступил за двери, негромко скомандовал:

– Заходи.

И в гостиную вошел Сергей Устинов. И только тогда Кадашов развернул свое инвалидное кресло и устался на мужчину, переступившего порог его столовой.

Он многое о нем знал. Почти все. Знал всех его школьных друзей. Много был наслышан о его первой школьной любви. Детально изучил причины его увольнения из органов. Долго морщился, читая о том, как Устинов быстро опускался на самое дно. Как потом с этого дна выкарабкивался. И не думал, что тот может удивить его хоть чем-то. А удивил.

Кадашов с изумлением рассматривал высокого, жилистого мужика, застывшего на пороге. Короткая стрижка, щетина. Недорогая, но опрятная одежда: синие джинсы, джемпер мышинного цвета. Руки в карманах штанов, плечи расправлены, голова высоко поднята. Но не это поразило. Взгляд! Взгляд, полный достоинства. Скажи кому, что этот человек долгие два года барахтался на самом дне жизни, просыпался на заблеваных простынях, кланчил мелочь у соседей на похмелку, не поверят.

Взгляд, которым наградил Кадашова Устинов, четко сказал: Устинов ни за что не позволит Кадашову приказывать. Потому что иначе он не станет на него работать. Он лучше будет мешки с сахаром тягать в своем гипермаркете, упаковки с молоком ворочать и ящики с водкой, но к нему работать не пойдет. Он согласился прийти, не против был поговорить, но получать жалованье у него он не станет. Хотя бы потому, что это самое жалованье у него несколько лет получал предавший его Станислав Гончаров.

Устинов об этом знал.

– Прошу вас, присаживайтесь. – Кадашов указал на стул слева от пустующего хозяйского места. – Я распорядился насчет чая. Знаю, кофе вы не жалуете.

– Спасибо. Не стоило. Я пообедал, – коротко ответил Устинов, но за стол присел.

– Спасибо, – не к месту проговорил Кадашов и тут же на себя разозлился.

Что он, в самом деле, робеет перед этим малым?

– Вам сказали, что у меня к вам за дело? – нахмурившись, спросил Кадашов, уставившись на цепочку в вырезе серого джемпера гостя.

Интересно, что там у него? Крест? Армейский жетон с группой крови? Или в подвеске прядь волос бросившей его жены? Не мешало бы выяснить. Это могло бы много рассказать о нем. Могло бы указать на слабое место, уязвимую точку парня, смотревшего на Кадашова вежливо, холодно, с достоинством.

– Коротко, – ответил Устинов, положив кулаки со сбитыми костяшками пальцев на стол. – Ваш охранник.

И он кивком указал на Егора, застывшего у двери с опущенной головой и скрещенными ниже пояса руками. Поза почтения, определил Устинов. И уголок его рта презрительно дернулся.

– Три года ушло у моих людей и сотрудников полиции на то, чтобы найти убийц моего сына, – проговорил Кадашов, наблюдая за реакцией гостя. – Все безрезультатно. Убийцы не найдены.

Он замолчал. Устинов молчал тоже, рассматривая посуду на столе.

– Я не жалел средств. Я платил. Просил, требовал. Пусто! Эти люди, личности которых были установлены в ходе следственных мероприятий, как сквозь землю провалились.

– А деньги? – неожиданно прервал молчание Устинов.

– Денег тоже не нашли. Но, как вы понимаете, не в деньгах дело. Я хочу найти убийц своего сына. И уйти. Потом хочу уйти спокойно. – Кадашов любовно погладил подлокотники инвалидного кресла, в которое добровольно уселся три года назад, не имея сил и желания двигаться. – Я не хочу жить, Сергей Игоревич.

– Можно просто Сергей, – отозвался тот.

– Хорошо. Сергей. Так вот, Сергей, я не хочу жить без Ивана. Просто не хочу. Не вижу смысла. Но не могу уйти, пока не отомщу. Пока убийцы не будут наказаны. Это... Это стало смыслом моей никчемной, никому не нужной жизни.

Кадашов не сводил с гостя взгляда. Он не понимал, почему он так откровенничает с этим парнем? Почему выворачивает перед ним свою душу? Может, потому, что Устинов знал, что такое отчаяние? Был предан, гоним, потерян. Был на самом дне, но нашел в себе силы подняться. Может, потому, что он заслуживал уважения?

– Что вы хотите от меня? – продолжая рассматривать приборы, спросил Устинов.

– Я хочу, чтобы вы их нашли. Всех!

– Вы требуете невозможного, – дернул губами Устинов, коротко на него взглянув. – По горячим следам их не нашли. Прошло три года. Вы понимаете, о чем просите?

– Я готов платить и...

– Не в деньгах дело, – поморщился гость, перебивая, взял с блюдца чайную ложечку, принялся вертеть ее в руках. – Вы и так уже наверняка потратили состояние, оплачивая бесполезные попытки.

– Мне не жаль. Нисколько не жаль.

Кадашов занервничал. Если этот парень откажется, то шансов нет. Если не найдет он – никто не найдет. Он это чувствовал. Он в него верил. Павел Сергеевич схватился за подлокотники инвалидного кресла, нащупал ступнями пол и с силой рванул свое тело вверх. Ослабевшие мышцы сразу заныли, лицо вспотело, сердце заколотилось, но ему удалось себя заставить встать на ноги.

– Если бы я мог, я встал бы перед тобой на колени, – прохрипел он, упираясь кулаками в край стола, наклоняясь к гостю. – Но я просто встал. И это уже победа. Я в туалет по спальне ползу. Помоги! Помоги, Сергей! Я заплачу!

– Мне не нужны деньги. – Устинов тоже встал, отступил от стола на пару метров, снова сунул руки в карманы штанов. – Я не могу взяться за это дело. Просто пообещать и не сделать. Я не могу.

– Ты хотя бы попробуй, парень! – с мольбой произнес Кадашов, обливаясь потом. Стоять ему было очень тяжело.

– Я не могу. – Устинов стороной обошел то место, где Кадашов стоял, упираясь кулаками в край стола, двинулся к двери, проговорив: – Я не могу дарить вам ложные надежды.

– Стой! – крикнул Кадашов, падая без сил в кресло. – Если тебе деньги не нужны, подумай о своей бывшей жене. Она нуждается. Она остро нуждается в средствах!

Кадашов мог поклясться, что слышал, как скрипнули зубы у Сергея, когда он произнес:

– Меня не интересует жизнь моей бывшей жены. И ее финансовые проблемы.

– Ее ребенок болен! – Кадашов с силой опустил кулаки на подлокотники кресла, в которое упал, в котором задыхался от отчаяния и мышечной боли. – Год назад твоя бывшая жена

родила ребенка. С патологией. Серьезной патологией. Требуется срочная операция. Она стоит больших денег. У твоей Ирины этих денег нет.

Устинов остановился. Он не ушел. Он стоял и думал. И все же спросил:

– А что же ее теперешний муж? Разве он ограничен в средствах? По слухам...

– Это все слухи. У меня информация. Проверенная информация, Сергей! Сядь! – привычно скомандовал Кадашов и тут же поторопился добавить: – Пожалуйста.

На свое место за столом Устинов вернулся не сразу. Прошли долгих пять минут. Кадашов засек по стенным часам. Пять минут он сидел и ждал с бешено молотящим о ребра сердцем. Он загадал: если Устинов не уйдет, у них все получится. Он не ушел.

– Что за информация, Павел Сергеевич? – спросил он, поводя шеей в воротнике джемпера мышинового цвета, будто тот внезапно стал ему мал.

– Ее теперешний муж, узнав о болезни ребенка, бросил твою Ирину. Сначала счел, что неразумно тратить средства на безнадежно больного ребенка. А потом просто-напросто ее бросил. Она взяла две ставки в больнице, где лежит ребенок. Две ставки санитарки, – жестким голосом добавил Кадашов. – Все ее средства уходят лишь на то, чтобы поддерживать жизнеобеспечение. На операцию у нее денег нет. Она измучена. Она в отчаянии. В Россию она вернуться не может. Не к кому. И я готов... Слышишь, Сергей! Я готов оплатить операцию, если ты согласишься взяться за это дело.

Правая рука Устинова медленно поднялась, дотянулась до цепочки. Та выскользнула из выреза джемпера. На ней качнулся объемный медальон.

Так он и знал!

Кадашов подавил удовлетворенную улыбку. Он все же нащупал его слабое место. Парень сентиментален. Наверняка внутри медальона фото вероломной жены или прядь ее волос. Он все еще ее любит. И это хорошо.

– Мне нужно с ней поговорить, – глянул на Кадашова Сергей, машинально поглаживая крупный медальон. – Я должен быть уверен, что вы мне не лжете.

– Хорошо.

Кадашов, не оборачиваясь, сделал пальцами знак Егору. Тот тотчас же протянул Устинову мобильник, где уже шел вызов.

– Да! – коротко рявкнул в трубку Сергей и зажмурился, услышав забытый голос. – Да, это я.

Потом он долго молчал, потому что говорила она. Говорила, плакала, жаловалась, просила прощения. Потом она умолкла, и он спросил:

– Почему ты не вернулась? Не вернулась ко мне? Я не пью сейчас. И мы могли бы...

– Потому что там у малыша вовсе нет шансов, Сереженька! – громко, очень громко закричала Ирина, ее даже Кадашов услышал. – Там мой ребенок умер бы уже давно. И сейчас... Господи, они дают мне всего два месяца на то, чтобы найти деньги на операцию. Потом будет поздно. Понимаешь?! Ты прости меня, Сереженька. Прости, если сможешь. Дите страдает за мой грех. Я так виновата перед тобой! Я бросила тебя в самую трудную для тебя минуту. Никогда не прощу себе этого. Ты прости! Я виновата. Я молюсь.

И она разрыдалась. Громко, с надрывом.

«Минута отпущения грехов, – подумал Кадашов, внимательно наблюдая за гостем. – Она молится. Сергей раздумывает. А я надеюсь, что ее молитвы дойдут до него, и я помогу. Как все в этой жизни взаимосвязано».

– У тебя будут деньги на операцию, Ирина, – едва слышно проговорил Устинов спустя какое-то время и глянул на Кадашова со странным упреком. – Я обещаю тебе. Не плачь. Все будет хорошо.

Он выключил мобильник, положил его на стол так осторожно, будто это была граната с выдернутой чекой. Снова взглянул на Кадашова и неожиданно погрозил ему пальцем.

– А вы великий манипулятор, Павел Сергеевич, – чуть слышно произнес Сергей. – Найдите слабые места и умело бьете по ним.

– Странно. Странно, что именно так ты называешь мое желание помочь тебе. Твоей бывшей жене.

– Извините. – Устинов поводит шеей, оттянул вырез джемпера и убрал туда тяжелый медальон на цепочке. – Но делаете вы это не безвозмездно. А если вдруг я не найду убийц вашего сына? Что тогда? Вы выставите мне счет?

– Нет, – твердым голосом ответил Кадашов и выдержал его подозрительный взгляд. – Никакого возврата. Более того, я стану платить тебе жалованье. Оплачивать твои командировочные расходы, если в этом возникнет необходимость. И машина... Тебе нужна машина, чтобы передвигаться.

– У меня есть машина, – тут же отреагировал Устинов, гордо выпятив подбородок.

– Я знаю, что она не выезжает с автосервиса, Сергей. А если и выезжает, то хватает ее сотни на три километров, – с легким намеком на упрек проговорил Кадашов.

Он немного расслабился, даже повеселел. Насколько это вообще было возможно в данной драматичной ситуации.

– Я хочу, чтобы ты понял, Сергей, для себя одно: я не покупаю тебя, твои услуги, твое мастерство. Ты не превращаешься тотчас же в моего наемного сыщика. Нет. Я прошу тебе мне помочь! А я, в свою очередь, помогу тебе.

– Да, я понял, – пробубнил Устинов, глянув на него исподлобья. – Но вы понимаете, да, что я не даю никаких гарантий?

– Да. Я это понял. Но понял также, что ты сделаешь все и даже больше, чтобы продвигаться много дальше тех, кто этим занимался до тебя. Итак... – Кадашов откатился в кресле к выходу. – Приступим, Сергей?

Глава 6

Небо над морем сделалось свинцовым. Словно кто-то там наверху закрыл его привычную голубизну ото всех грязным пологом. Холодные волны перекатывались, бились о бетонный берег, с шипением откатывались назад, чтобы тут же вернуться. Они всегда возвращались, подгоняемые яростным желанием захлестнуть пирс. Зачастую им это удавалось, и тогда она возвращалась в домик на берегу в промокших насквозь ботиночках. Дома снимала их у порога, стаскивала с себя мокрые теплые колготки, ставила ботиночки на горячую трубу отопления, опоясывающую весь домик. На нее же развешивала колготки. Надевала домашние легкие джинсы с прорезами на коленках. Вдевала ноги в мохнатые высокие тапки и шла в кухню готовить себе горячий шоколад.

Она превратила все это в ежедневный ритуал. Это стало для нее обязательным, как спать, есть, снова спать. Ей надо было сначала промерзнуть до костей, желательно еще и вымокнуть. Потом вернуться домой, в тепло. Ей необходимо было окунуть себя в этот контраст, остро прочувствовать, где хорошо, а где плохо. Это ненадолго, но помогало ей просто жить.

Горячее молоко поднялось в кастрюльке пышной пенкой. Она убрала ее с огня, влила в него разведенное какао с сахаром, всыпала чуть корицы, имбиря, снова поставила кастрюльку на огонь, сильно его убавив. Минуты три-четыре – и горячий густой напиток будет готов. Она нальет его в большую пузатую чашку. И заберется с ней на подоконник. Подоконники в домике были низкими, широкими. В кухне выстланы мохнатыми овечьими шкурами для тепла и удобства. Она забиралась на подоконник с ногами, обхватывала чашку обеими руками, пила мелкими глотками огненный густой шоколад. И смотрела, смотрела не отрываясь на свинцовое небо, огромные темные волны, с яростным шипением откатывающиеся от берега.

О чем она в тот момент думала? Почти всегда об одном и том же. Что на улице холодно и мерзко. Как обычно, серо и уныло. А в доме хорошо. Ей тепло, пахнет шоколадом, ей вкусно, ей ничто не угрожает. Весь день у нее расписан. Через час она выйдет из кухни. Пойдет в свою маленькую мастерскую, которую для нее оборудовал ее муж. И там займется чем-нибудь часов до двух-трех пополудни. Это каждый раз бывали разные занятия. Она то принималась шить, то вязать, то ваять из глины, пробовала даже рисовать. Но муж смешно сморщил нос и помотал отрицательно головой.

– Дорогая, это не твое, – произнес он со смущением.

И она оставила эту затею, сосредоточившись на шитье. Месяца два назад она начала смотреть по телевизору курсы лоскутного шитья. И ее вдруг захватило. Пока еще из ее рук не вышло ни одного готового изделия, но сама процедура собирания из разрозненных клочков единого какого-то рисунка ей понравилась.

Это прямо как с жизнью ее, пощипывало что-то глубоко внутри. С жизнью, которая разбилась в один прекрасный день на тысячу острых осколков, до какого ни дотронься – поранишься. Но она же справилась. Вернее, пытается справиться. Она подгоняет эти осколки друг к другу, лепит их как-то, заставляет срастаться.

Выходило не всегда и порой бывало плохо. Она замыкалась, делалась рассеянной. И тогда муж, заподозрив страшный диагноз, снова заставлял ее проходить полное медицинское обследование. Диагноз никогда не подтверждался. Он радовался, как ребенок. Она неохотно улыбалась. И часто думала, что, наверное, не расстроилась бы, случись по-другому.

А еще ее муж очень хотел ребенка. Заставлял ее принимать витамины, гонял на пробежки, часто и изнурительно занимался с ней сексом. Ничего не получалось. Он недоумевал. Они же были оба здоровы – почему?

«Просто для этого необходимо благословение небес, – хотелось ей ему сказать. – Ну, или хотя бы желание двоих».

Она не хотела ребенка. Потому что считала, что тогда это заставит ее цепляться за жизнь, а она за нее не цеплялась. Она в ней не видела никакого смысла.

В дверь их домика дипломатично негромко постучали. Сосед. Пожилой грузный мужчина, овдовевший несколько лет назад. Он часто заходил к ней пропустить чашку-другую горячего шоколада. Она варила с запасом. Заходил, снимал у порога тяжелые резиновые сапоги на меховой подкладке. Приглаживал перед зеркалом редкие седые волосы. Проходил в кухню, усаживался за стол. Принимал из ее рук точно такую же, как у нее, большую пузатую чашку с горячим густым напитком. С благодарностью улыбался, когда у нее находилось для него домашнее печенье или бисквит. Пил, ел, говорил с ней. Обо всем говорил. О погоде, о ее настроении, новом рисунке на ее изделии, которое должно было стать одеялом.

Он был хорошим дядькой. Добродушным. Никогда не лез с ненужными вопросами. И еще он отлично говорил по-русски. И это была еще одна причина, по которой она его охотно принимала у себя в гостях. Остальные соседи языка не знали. Она на их языке говорила плохо, мало и не стремилась изучить. Поэтому общения не выходило. Ее это устраивало.

Петри – так звали их соседа. Он разрешил ей называть себя Петром – на русский манер. Он называл ее Тая, хотя по паспорту она была теперь Татьяной. Татьяной Ирве.

– Доброе утро, – улыбнулся ей Петри, переступая порог. И произнес обычное: – Холодно сегодня.

– Да, очень. – Она сунула ладонь под высокий воротник свитера, обхватывая тонкую высокую шею пальцами. – Ноябрь.

– Дальше будет еще холоднее, – как будто предупредил Петр. И напомнил ей: – Скоро декабрь.

– Проходите, – улыбнувшись, указала она ему рукой на кухонный дверной проем. – Шоколад готов. Есть пончики.

– Ох, Таечка! Балуете старика! – Сосед расплылся в довольной улыбке.

Аккуратно – носок к носку, пятка к пятке, поставил сапоги под вешалкой. Повесил тяжелую толстую куртку. Пригладил редкие седые волосы перед зеркалом. Одернул свитер домашней вязки. Пошел за ней в кухню. Там сел на гостевой стул, прекрасно зная, какой обычно занимает она, а какой ее муж. Кивнул удовлетворенно, когда она поставила перед ним чашку с горячим шоколадом и блюдо с пончиками. Спросил про начинку. Счастливо зажмурился, услышав про творог.

– Моя покойная жена любила готовить ватрушки, – признался он, взяв в руки пончик. – Очень вкусно было. Но вас, Таечка, она в мастерстве не обошла. Вы прирожденный кулинар.

Не прошло и трех лет, как она им стала. Она грустно усмехнулась. Она прежде ненавидела готовить. И не выходило у нее. То подгорит, то убежит, то свернется. Сейчас как-то все поменялось в ее новой жизни. Новая жизнь. Новое имя. Новое лицо.

Она привычно поймала свое отражение в стеклянной дверце навесного шкафа, чтобы снова удостовериться, что все – не сон. Чтобы не забыть, как она теперь выглядит.

Ее спасители – ее муж Олег Ирве и его друг – постарались, сделали ее красивой, даже очень красивой. Совсем не похожей на ту – прежнюю, носившую другое имя. У нее стал тоньше нос, полнее губы, выше скулы. Разрез глаз поменялся, в него добавилось что-то азиатское. Цвет лишь остался прежним – удивительным, голубым, почти прозрачным.

– Вы ходили гулять, Тая? – спросил между вторым и третьим пончиком Петр.

– Да. Выходила на пирс.

– Не промерзли?

– Немного.

– Не промокли?

– Совсем чуть-чуть.

Они встретились глазами и рассмеялись. Оба понимали, что не промокнуть, стоя на самом краю бетонного пирса, невозможно – сильно штормило. Но эти вопросы тоже были привычными и домашними, немного отдающими заботой. Как чашка горячего шоколада в руках соседа.

– В магазине не были, Тая? – спросил вдруг Петр, с великой неохотой отодвигая от себя блюдо с пончиками.

– В магазине? – удивленно отозвалась она.

Вопрос был непривычным, задан был непривычным тоном, и это слегка встревожило.

– Да, в магазине, у Элины?

И сосед глянул на нее почему-то обеспокоенно и тут же увел взгляд в сторону широкого окна. Из него ничего, кроме свинцового неба, серого берега и широкой полосы темного холодного моря, не было видно. Пейзаж был привычен для Петра и не очень им любим, но он почему-то принялся его рассматривать с преувеличенным вниманием.

У нее неприятно заняло в желудке.

Элина владела единственным продовольственным магазином на их маленьком острове. Это был своего рода местный гипермаркет, в котором можно было купить все: от коробка спичек, молока, мяса, яиц и рыбы до снегохода. Начинался ее магазинчик с небольшого строения площадью десять на десять метров. И было это, со слов Петра, еще лет двадцать назад. Потом сыновья Элины подросли, возмужали и потребовали расширения бизнеса. И небольшое строение в сто квадратов начало обрастать пристройками. Появился даже второй этаж, где оборудовали отдел полуфабрикатов и закусочную, в которой вкусно кормили и подавали спиртные напитки.

Она сама редко там бывала, но муж и Петр любили посещать второй этаж.

– Там невероятно вкусные рыбные деликатесы, дорогая, – уверял ее супруг и даже неоднократно приносил что-то из отдела полуфабрикатов. – Ты обязательно должна попробовать.

Она пробовала, не спорила, было действительно вкусно. Но заходить на второй этаж все равно избегала. Сама не знала почему. Может, ей было неуютно среди скопления людей, не говоривших на ее родном языке. Может, ей неуютно было среди них в своем новом облике. Казалось, что все видят швы от пластической операции. Любопытно таращатся, задаются вопросами.

– Я не была в магазине у Элины, Петр, – с натянутой улыбкой проговорила она. – Там что-то новенькое появилось в продаже?

– Новенькое? – Он беззвучно пожевал губами, не сводя взгляда с оконного проема. И вдруг проговорил: – Новенькое, но не в продаже, Тая.

– Как это понимать?

Боль в желудке стала почти невыносимой от тревожного чувства, что Петр сейчас скажет что-то такое, что снова заставит ее бояться. Страшно бояться. И та жизнь, которую она старательно собирала из острых осколков прежней, пойдет мерзкими трещинами.

– Появился новый человек, Тая, – проговорил Петр, все так же с преувеличенным вниманием рассматривая сквозь стекло высокие волны, которые за долгие годы его проживания на острове ничуть не изменились.

– Новый человек? – Она нащупала пальцами спинку своего стула, оттащила его от стола, осторожно присела. – На острове?

– На острове, Тая.

Новые люди на острове появлялись крайне редко. Отчасти потому, что здесь было совершенно нечем заняться. Все ниши скромного бизнеса, который здесь велся, были давно поделены между семейными кланами и были заняты. Отчасти потому, что остров с его скудной растительностью и заурядной архитектурой не вызывал никакого интереса у туристов. Здесь

также негде было скрыться, соберись кто спрятаться. Все здесь были на виду. Поэтому новички у жителей острова вызывали неподдельный интерес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.